

ПОЛОСА ВЕЗЕНИЯ

Бабские истории Екатерины
Вильмонт

ХОЧУ БАБУ
НА РОЛИКАХ!

Екатерина Николаевна Вильмонт

Хочу бабу на роликах!

OCR Litportal.ru

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=120216

Хочу бабу на роликах!/: Астрель, АСТ; Москва; 2004

ISBN 5-17-015947-1, 5-271-05669-4

Аннотация

Долгие годы она была только... женой. Заботливой, верной, преданной. Безгранично любила своего мужа – известного актера – и думала, что он отвечает тем же. Но оказалось, что все вокруг ложь. И ее уютный мир рухнул в один миг.

Как трудно все начинать сначала! Ведь нет ни дома, ни родных, ни работы. Но она пройдет через все испытания. Станет счастливой, знаменитой, богатой... И главное, самое нужное в жизни – любовь – обязательно вновь согреет ее сердце.

Содержание

Часть первая	4
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Екатерина Вильмонт

Хочу бабу на роликах!

Часть первая

ЧУВЫРЛА

Вот интересно, если дорогу перебегают совершенно белая кошка, это к чему? Я замерла, а кошка шла медленно, вальяжно, чуть подрагивая роскошным хвостом. Потом вдруг остановилась, глянула на меня и... подмигнула! Ей-богу, она мне подмигнула! И так же царственно проследовала дальше. Может, все-таки это к счастью?

Но, по-видимому, белые кошки тоже ничего доброго не предвещают. Когда я вернулась домой, там уже находилась моя свекровь.

– Саша, я не понимаю, у тебя в доме нет лимона? – с места в карьер напустилась она на меня.

– Лимона? Кажется, был в холодильнике, я не помню. А зачем вам лимон понадобился?

– Я хотела выпить чаю. Ты же знаешь, я всегда пью чай с лимоном.

Я натянула уже снятый сапог и молча пошла к двери.

– Ты куда?

– За лимоном!

– Не строй из себя великомученицу! Я обойдусь! А вот чем ты собираешься кормить Глеба? У него сегодня нет спектакля?

– У него сегодня съемки.

– Так чем же все-таки ты будешь его кормить?

– Это не проблема!

– Нет, это проблема! Это еще какая проблема! Ему нельзя перед сном наедаться! Да, кстати, кто у тебя в Израиле?

– В Израиле? Никого вроде... А что?

– Тебе звонила какая-то женщина, сказала, что приехала из Израиля и хочет с тобой повидаться.

– А как ее зовут?

– Не помню, сейчас посмотрю, я записала, я этих еврейских имен не запоминаю. Ее зовут Мария Львовна.

Интересно, что уж тут такого еврейского? Кроме разве что древнееврейского происхождения имени Мария? Но я промолчала. Я давно взяла себе за правило не задавать свекрови лишних вопросов и уж тем более не подшучивать над ней. Она начисто лишена чувства юмора.

– Почему ты молчишь? Кто это – Мария Львовна?

– Не имею ни малейшего представления, – честно ответила я. – А что она сказала? Еще позвонит или оставила свой телефон?

– Сказала, что еще позвонит.

– Ну и ладно!

– Но что ей может быть от тебя нужно?

– Да откуда же мне знать, если я о ней первый раз слышу?

Светлана Георгиевна внимательно посмотрела на меня, я бы даже сказала, испытующе. Но я стойко выдержала ее взгляд, ибо и вправду никаких связей с Израилем у меня не было.

– Ну-ну, ладно. Может, это вообще ошибка была. В конце концов, Александра не такое уж редкое имя.

– Может, и ошибка, – пожалала плечами я. И что ей дался этот звонок?

– Саша, я хочу с тобой поговорить! – заявила свекровь.

Вот черт, даже поесть не даст.

– Слушаю вас, Светлана Георгиевна.

– Саша, тебе пора бросить работу!

– Бросить работу? – обалдела я. – Почему?

– Глеб нуждается в хорошем уходе! Пойми, его статус коренным образом меняется, о нем уже говорят, он стал больше зарабатывать, и надо, чтобы дом у него был устроенным, неужели ты сама этого не понимаешь?

– Извините, Светлана Георгиевна, а на какие шиши я буду этот дом содержать? Вы думаете, я много вижу денег от Глеба? Гроши! Он тратит их на свою древнюю тачку, на сигареты, иногда на какие-то шмотки, но живем-то мы на то, что зарабатываю я. И живем более чем скромно. Так что без моих денег мы рискуем просто с голоду подохнуть, – не выдержала я.

– Не преувеличивай своих заслуг, уверяю тебя, если ты будешь сидеть дома и ухаживать за мужем, у вас будет уходить гораздо меньше денег, гораздо! Вот сейчас, например, ты собираешься жарить котлеты из кулинарии, а если бы ты сама купила мясо и накрутила котлет, это обошлось бы куда дешевле. Это раньше покупные котлеты стоили какие-то копейки, а теперь все не так! И надо экономить!

Больше всего мне хотелось послать ее к одной известной матери, но долголетняя привычка заставила меня сдержаться. Ничего, когда-нибудь я все ей выскажу, все! А сейчас промолчу, промолчу, промолчу.

– Саша, ты просто не понимаешь... Скоро к вам начнут с утра до ночи бегать корреспонденты, и что? Посмотри, в каком виде квартира, в каком виде ты сама! Когда ты последний раз взвешивалась? Когда была у маникюрши? А ведь ты должна будешь появляться вместе с Глебом на всяких светских мероприятиях...

– Размечтались, – буркнула я.

– Это не мечты, Саша, это уже почти реальность! Поверь, я вполне способна оценить все, что ты в эти годы сделала для Глеба, но... Да ведь он скоро начнет тебя стесняться, а там и найдет себе другую. Моложе, красивее... С его-то данными девчонки начнут на нем виснуть, и ты уверена, что он устоит? Что ты так на меня смотришь? Ты обиделась? Но я же желаю тебе добра!

Нет, я не обиделась, она не так уж не права...

Просто я вдруг отчетливо поняла, что означает сон, который я вижу с завидной регулярностью. Мне снится, что я, как в ранней юности, бегу эстафету и все никак не могу добежать свой этап, а когда добегаю и передаю палочку подружке по команде, чувствуя огромное облегчение, эта самая подруга вдруг со всей силы бьет меня ногой в живот. Значит, мой этап уже подходит к концу, так, что ли? А дальше победит какая-нибудь ослепительная топ-модель, да?

Но мои горькие мысли прервал телефонный звонок. Я схватила трубку. Глеб.

– Сашка, привет! У меня перерывчик образовался, вот звоню узнать, как дела.

– Нормально, у нас Светлана Георгиевна!

– То-то у тебя голосок кислый. Сочувствую. Но ты уж как-нибудь потерпи, ладно? Сашка, я буду поздно, у нашего оператора сегодня день рождения, мы тут немножко погудим в своей компании. Не жди меня, ужин не готовь! Дай мне на секунду маму, а то обидится – и тебе же будет хуже.

– Некуда, – ответила я и передала трубку свекрови.

Пока она ворковала с обожаемым сынулей, я подумала: ерунда все это, идиотские стереотипы, нет, мой Глеб любит меня и не променяет ни на какую длинноногую красотулю. Слишком многое мы с ним вместе пережили, и он меня почти никогда не подводил. И вообще, он хороший парень, а главное – любит меня. Я это чувствую. Когда он мне звонит, у него так теплеет голос... И ночью нам хорошо вместе,

он всегда во сне держит мою руку. И не нужны ему другие, это свекрови нужна другая невестка, более престижная, более эффектная... А ведь она еще не знает, где и кем я работаю, у нее бы от презрения ко мне печенка лопнула. Вот уже несколько лет я служу домработницей в одной богатой семье. Правда, семья вполне интеллигентная и ко мне прекрасно все относятся, но факт есть факт. Кстати, Глеб тоже думает, что я работаю в коммерческой фирме бухгалтером. Я когда-то окончила бухгалтерские курсы, но работы менее подходящей для меня, наверное, и выдумать невозможно. Я и бухгалтерия – две вещи несовместные, как гений и злодейство. Но для Глеба и его мамы это было прекрасной отмазкой. Платят мне в этой семье хорошо, и я вовсе не чувствую себя униженной, ни в коей мере. Вот только они не знают, что муж у меня – артист, в последний год даже приобретший известность, Глеб Ордынцев. Ох, а ведь эта чертова кукла права, мне действительно придется уйти с работы совсем по другим соображениям. Что, если какому-нибудь журналюге вздумается узнать, где трудится жена восходящей звезды? Это будет некрасиво – и не столько по отношению к Глебу, это ерунда, в конце концов, ничего постыдного я не делаю, а по отношению к людям, у которых работаю.

Их ведь замучают идиотскими вопросами, и вообще...

– Саша, что с тобой? – вернул меня к действительности голос обожаемой свекрови.

– Нет, ничего, просто я устала, квартальный отчет...

– Глеб сказал, что вернется поздно.

– Я знаю.

– В таком случае я, пожалуй, поеду домой. И подумай, Саша, над тем, что я сказала.

– Обязательно, Светлана Георгиевна, обязательно подумаю!

И она, слава богу, удалилась. Я вздохнула с облегчением. И тут опять зазвонил телефон.

– Алло!

– Могу я поговорить с Александрой? – произнес приятный женский голос.

– Это я.

– Саша, добрый вечер, я вам звонила, вам передали?

– Вы Мария Львовна?

– Да-да. Сашенька, мне совершенно необходимо с вами увидеться.

– Извините, а в чем дело?

– О, это не телефонный разговор. – Голос звучал очень взволнованно. – Вы сегодня заняты?

– Сегодня? Это так срочно?

– Вам неудобно? Вы, наверное, устали, да? Вы ведь работаете? Я понимаю, но завтра, завтра вы могли бы встретиться со мной? Это очень важно, поверьте, Сашенька.

– Завтра я тоже работаю, вот если сразу после работы...

– Хорошо, вы только скажите, в котором часу!

– Ну я могла бы, наверное, часов в пять – в половине ше-

стого.

– Замечательно! Я остановилась у старой подружки, это в районе Арбата, улица Вахтангова...

– Вы хотите, чтобы я к вам пришла?

– Да, если можно.

– Мария Львовна, простите, но с чем это связано, я никак в толк не возьму... От кого вы?

– Сашенька, я завтра все вам расскажу, поверьте, для вас это не менее важно, чем для меня. – Голос у нее сорвался от волнения. – Запишите адрес и я вас жду.

Ничего не понимаю, что за тайны мадридского двора? Мне было любопытно, но не больше. В моей жизни никаких тайн нет, да и не было никогда. Я вся как на ладошке, хотя нет, одна тайна все же есть – место моей работы. Я терялась в догадках. Дура, надо было поехать к ней сегодня, это недалеко, по крайней мере, я бы уже знала, в чем дело, но с другой стороны, я так устала... Ладно, доживу до завтра.

Черт, а может, белая красавица кошка не зря мне подмигнула? Может, намекала на Марию Львовну с какими-то тайнами?

Глеб вернулся довольно поздно, чуть подвыпивший, но такой веселый и довольный, что я ничего ему говорить не стала. Он сразу начнет кричать, чтобы я не смела идти неизвестно к кому, неизвестно зачем – и все в таком роде. Лучше уж узнаю, что за тайны такие, а потом расскажу. Ой, мамочки, а что, если это как-то связано с Глебом? Вдруг Ма-

рия Львовна – мама какой-нибудь девицы, которую он трахнул где-нибудь на гастролях? Но нет, она же вроде из Израиля, а Глеб в Израиле не был. И потом, голос этой неведомой Марии Львовны звучал очень ласково и доброжелательно. Стоп, это доносчики обычно именуют себя доброжелателями. «Знаете, Саша, ваш муж вас обманывает, я не могу молчать, я желаю вам добра!» Нет-нет, глупости, тогда она не стала бы называть себя и не стала бы приглашать меня к себе...

– Сашка, о чем ты так глубоко задумалась?

– Квартальный отчет! – машинально ответила я.

– Слушай, Сашка, бросай ты, на фиг, эту бухгалтерию!

Она ж из тебя все соки высосала, хватит! Проживем как-нибудь! Нет, правда, Сашенька, подавай заявление об уходе, я требую!

– Требуешь? – безмерно удивилась я. Это слово не из Глебкиного лексикона.

– Да, требую! – смеялся он. – Могу себе позволить!

– Это с какой же стати?

– Сашка, у меня такая новость, закачаешься!

– Что ж ты молчишь, говори скорее!

– Нет, завтра!

– Глеб! – закричала я. – Глеб, немедленно говори, что случилось!

– Так и быть, ты не сглазишь. Меня пригласили сняться в итальянском фильме! У знаменитого режиссера! Роль не

очень большая, но жутко выигрышная! И потом, они обещают хорошо заплатить! За две недели съемок заплатят больше, чем я получу за весь наш сериал. Так что, жена, завяжи-вай с бухгалтерией, завтра же подавай заявление. Слышишь?

– Глеб, но...

– Никаких «но»!

– Глеб, нам столько всего нужно! Нельзя швыряться таким местом, я потом не найду работу...

– Санька, дуреха, ты что, не понимаешь? Кончилась черная полоса! Тьфу-тьфу-тьфу, чтоб не сглазить! Стучу еще по дереву!

И он так горячо, так крепко обнял меня, что все дурацкие мысли разом вылетели из головы и я заснула совершенно счастливая, твердо пообещав любимому мужу утром подать заявление об уходе. Может, и в самом деле, черная полоса кончилась? Ох, вот к чему мне встретилась белая кошка!

«Хочу бабу на роликах!» – огромными красными буквами начертал какой-то идиот на гаражах-ракушках, рядом стоящих в нашем дворе. Я невольно расхохоталась – до чего искренний идиот! Неважно, какую бабу, лишь бы на роликах? Что ж, по крайней мере у многих старых дев появился шанс. Встань на ролики – и готово, мужик обеспечен! Впрочем, старые девы вряд ли на такое клюнут, это скорее для озабоченных. И чего я, дура, смеюсь? Может, он больной, этот тип? Нет, я смеюсь не над ним, я просто радуюсь жиз-

ни. Чудесный весенний день, чудесные новости у Глеба, и, я уверена, Мария Львовна тоже скажет мне что-нибудь хорошее. А вот бросать работу мне все-таки боязно... Черт его знает еще, как все обернется. Нет, пока не брошу, а там посмотрим.

Мне моя работа даже нравится. Следить за чистотой и порядком в роскошной квартире, отделанной по последнему слову современной техники и дизайна, не так уж сложно. Приготовить ужин – вообще для меня семечки, а за продуктами меня возит шофер, так что даже тяжелые сумки таскать не приходится.

Хозяев я практически никогда не вижу. Прихожу – их уже нет, ухожу – еще нет. Ну разве что кто-то из них простудится и посидит дома денек-другой. Мне даже посуду мыть не нужно, у них есть посудомойка.

Когда мы с Глебом разбогатеем, обязательно куплю себе сначала стиральную, а потом и посудомоечную машину.

Целый день настроение у меня было роскошное.

Управившись со всеми делами, я привела себя в порядок и побежала на Арбат. Мне не терпелось встретиться с таинственной Марией Львовной. Когда я вошла в подъезд старого, но очень приличного дома на улице Вахтангова, мне вдруг стало страшновато.

Вот сейчас свалится на мою голову какая-нибудь гадость... Но ничего не поделаешь, я обещала прийти.

С гулко бьющимся сердцем я поднялась на третий этаж и

позвонила. Дверь открыли мгновенно, словно уже ждали. На пороге стояла маленькая старушка в модных черных брюках и светлой блузке, аккуратно причесанная, на высоких каблуках.

– Сашенька?

– Мария Львовна?

– Да, это я. Заходите, заходите, милая. Давайте знакомиться.

Она протянула мне худенькую, сморщенную руку с красивыми кольцами. Руки были ухоженные, не чета моим. Мне даже стыдно стало.

Старушка провела меня в комнату с высоченным потолком, обставленную со старинным интеллигентским уютом. Масса книг, круглый стол посреди комнаты, накрытый крахмальной скатертью, на столе чашки, тарелки, какое-то угощение. Для меня, что ли?

– Сашенька, детка, садитесь К столу, вы ведь с работы, вам надо подкрепиться, тем более что разговор у нас будет долгим...

– Спасибо. А можно мне руки помыть? – спросила я просто от испуга, чтобы оттянуть время. Мне было страшно.

– Да-да, конечно, и как я сразу не подумала вам предложить. А вы не хотите кое-куда заглянуть? Идемте, я вас провожу!

Я долго и тщательно мыла руки, вытирала их не кое-как, а аккуратно, каждый пальчик, все оттягивая путающий раз-

говор, хотя таинственная Мария Львовна мне скорее понравилась: она была милая и совсем не страшная. Но сколько можно тянуть. Я собралась с духом и вышла из ванной.

– Сашенька, вам чаю или кофе? Наверное, уместнее было бы что-то горячее, – лепетала Мария Львовна, которая тоже была несколько растеряна – видимо, предстоящий разговор страшил и ее. Господи, что же это такое?

– Нет-нет, спасибо, вполне достаточно чашки чая...

– Но бутерброд с севрюгой вы все-таки съешьте.

– Да-да, спасибо.

Севрюга выглядела аппетитно, но мне не хотелось есть.

– Сашенька, не буду вас дольше мучить... – срывающимся голосом начала Мария Львовна. – Скажите, вашу маму звали Марина Аркадьевна? Марина Аркадьевна Соболева?

– Да. А почему вы спрашиваете?

– Потому что. Потому что... Я ваша бабушка, Саша!

– Бабушка? Какая бабушка, вы что-то путаете! Мамина мама давно умерла, а папина вообще в войну погибла...

– Все это я знаю, Саша. Но тем не менее... Дело в том, что... Вы... вы никогда не видели этого человека?

Она протянула мне фотографию молодого красивого мужчины. Фотография была явно старая, и мужчина на ней был одет весьма старомодно... Но что-то знакомое в лице все-таки было...

– Кто это?

– Это мой сын, Веня... Вениамин Демшицкий... Он ваш

отец, Саша.

– Отец? – опешила я. По-моему, старушка насмотрелась сериалов. Но при чем тут я?

– Вы что-то путаете. Моего отца звали Андреем. Андрей Бережнов. Вы что-то спутали...

Она печально улыбалась.

– Сашенька, поверьте, я знаю, что говорю. Андрей Владимирович, Андрюша, был вашим отчимом, а отец ваш Веня... Я понимаю ваши чувства, вы любили своего... отца, то есть Андрюшу, это естественно, он был чудесным человеком, он вас вырастил как свою дочь, но факт остается фактом. Таким образом, Сашенька, вы моя родная внучка...

– Но зачем? Зачем я вам понадобилась? Зачем вам надо было говорить мне это? Я ведь все равно не перестану любить папу!

– Сашенька, какая вы еще девочка... Конечно, вы любите вашего папу, вернее, память о нем. Но я хотела все-таки, чтобы вы знали и о Вене... Он перед смертью просил меня об этом, я не могла не выполнить последнюю волю единственного сына. Боже мой, – она сжала виски тонкими пальцами, – как это мелодраматично... Такое ощущение, что все происходит не в жизни, а в плохом кино, но тем не менее это жизнь, Сашенька.

– Но как это вышло, почему? – пролепетала я. – Ваш сын бросил маму, да? А потом раскаялся?

– Нет, детка, все было иначе. Веня любил Марину, она

была очаровательна, мила и, кажется, тоже любила его. Вам еще года не было, когда наши танки вошли в Чехословакию. Веня тоже хотел выйти на Красную площадь, как это сделали Богораз, Литвинов и другие, но ваша мама не позволила ему, а он потом не мог ей этого простить, чувствовал себя предателем и все в таком роде... Потом его арестовали, а Марина вышла замуж за Андрея, который давно ее любил, и потребовала, чтобы Веня отказался от всяких прав на вас. Он согласился, не хотел портить жизнь ребенку... А потом его выбросили из страны...

Вот, собственно, как это получилось. Но он никогда не забывал вас. А в прошлом году... В прошлом году он умер, у него было очень плохое сердце... И перед смертью просил меня во что бы то ни стало разыскать вас. Он знал, что Марина с Андреем погибли в автокатастрофе, что вы остались сиротой... Но в тот момент он еще не мог с вами связаться, не мог обнаружить себя, ведь он здесь считался изгоем, предателем родины и все в таком духе... Но я и без его просьбы стала бы вас искать... Я тоже одна на этом свете, и мне некому оставить то, что у меня есть...

До меня ее слова доходили как сквозь вату, я не могла никак взять в толк то, что произошло. Никогда за двадцать два года жизни с родителями у меня даже на секунду не возникало сомнения в том, что папа мне родной отец. Он так любил, так баловал меня всегда. Мама еще бывала со мною строгой, с мамой у меня случались столкновения, порой нешуточные,

но папа... Он души во мне не чаял, и я помню его столько, сколько помню себя. И со своими обидами я бежала к нему, а не к маме, я знала, что он всегда примет мою сторону, что бы я ни натворила... Я взяла со стола фотографию своего настоящего отца и вдруг вспомнила точно такой же снимок был у нас в семейном альбоме, и папа говорил, что это друг его юности. Но тогда я не больно интересовалась друзьями папиной юности, ведь это было в незапамятные времена...

– У нас была точно такая же фотография, – охрипшим голосом выговорила я.

– Я знаю. Я потому и показала вам ее, чтобы вы вспомнили...

– А что, ваш сын... Он больше не женился?

– Женился, но прожил с ней всего три года. Он был человеком с переломанной судьбой и весь ушел в работу. Он был очень талантливым математиком, Сашенька.

– Значит, я не в него, мне математика всегда трудно давалась.

– Сашенька, а кто же вы по профессии? – спросила Мария Львовна, к ласковой улыбкой глядя на меня.

– Жена, – ответила я. – Я по профессии жена.

– Вы не получили образования?

– Я училась в ГИТИСе, на театроведческом, но не доучилась... жизнь так закрутила, что...

– Но вы где-то работаете?

Я замялась. А Мария Львовна сказала:

– Сашенька, можно я буду говорить вам «ты»?

– Да-да, конечно, – обрадовалась я, мне не хотелось отвечать на ее предыдущий вопрос. Сказать правду язык не поворачивался, и врать почему-то было стыдно.

– Сашенька, у тебя, наверное, тяжелая работа, я смотрю на твои руки...

И она вдруг погладила меня по руке.

– Ты стесняешься своей работы, Саша?

– Нет, что вы... нет. Просто я работаю в одной семье, у очень хороших людей... – с трудом выдавила из себя я. – У меня не было другого выхода... домработницей...

– Ну и что тут такого? Подумаешь, великое дело!

Ты же не на панель пошла, – засмеялась вдруг как-то очень искренне Мария Львовна. – Не хочется говорить банальности, но любой честный труд заслуживает уважения. Главное – самой себя уважать. А у тебя есть для этого все основания. Ты не сидишь сложа руки. У тебя явно не легкая жизнь, но ты не ноешь, не клянешь всех и вся, а тихо делаешь свое дело, ведь так?

Я кивнула, у меня в горле стоял комок, и я ничего не могла произнести.

– Знаешь, Саша, мне ужасно нравится моя внучка. И я хочу все о тебе знать, деточка. Можно я тебя обниму?

Я опять кивнула и вдруг рванулась к ней, прижалась, обняла и разревелась как дура. От нее исходила такая доброта, такое человеческое тепло, что все накопившееся у меня в

душе, все обиды на жизнь вдруг прорвались наружу, я плакала так сладко, так облегченно...

– Ну, ну, деточка, тебе надо поплакать, да? Поплачь, кому же поплакаться, как не бабушке.

– У меня... У меня никогда не было бабушки, – сквозь слезы проговорила я.

– Ну вот, а теперь у тебя есть бабушка, и, может, сейчас она тебе даже нужнее, чем в детстве, когда у тебя были и мама, и папа, я знаю, Андрей был хорошим папой, и всегда именно он будет для тебя папой, но я-то все равно твоя бабушка.

Я подняла глаза на эту маленькую мудрую женщину и уже чувствовала, что, наверное, она самый близкий мне человек на этом свете. Перед ней совсем не надо притворяться. Ведь даже перед Глебом мне приходится «держат марку», а тут этого не нужно, тут можно расслабиться...

– Ну, теперь тебе немножко легче стало, да, Саша?

– Да-да, спасибо вам.

– Саша, расскажи мне о себе, пожалуйста, мне хочется все о тебе знать, ты же понимаешь.

– Понимаю... только я не знаю как... С чего начать, и вообще...

– Ну хочешь, я буду задавать тебе вопросы? Так будет полегче?

– Наверное.

– Сашенька, детка, ты любишь своего мужа?

– Очень! Очень люблю.

– А кто он, твой муж?

– Он... Глеб Ордынцев, актер. Ему ужасно не везло всегда, но в последнее время все начало меняться, вот вчера он сказал, что его пригласили сниматься в Италию, обещали хорошие деньги... Сейчас он снимается в сериале, ему пророчат большой успех, и в театре вдруг дали прекрасную роль, а ведь он в какой-то момент хотел уже все бросить... Но я ему не позволила, я всегда знала, что он обязательно добьется успеха... Он талантливый и очень-очень красивый!

– Вы давно женаты?

– Четырнадцать лет.

– Ого! Это немалый срок...

– Мне было девятнадцать, когда мы поженились, а ему двадцать один... Он был такой красивый, веселый, талантливый, и сначала ему везло, он снялся в одном фильме, который получил приз в Сан-Себастьяне. Его заметили, а потом... Потом вдруг как-то все кончилось... То есть в театре он хорошо играл, а кино и телевидение его как будто не замечали, вернее, перестали замечать. Он в театре даже Раскольников сыграл – у одного молодого режиссера... Спектакль считался новаторским, о нем писали.

Только писали плохо. А Глеба, наоборот, хвалили, один критик даже писал, что жаль – такое дарование пропадает в этом спектакле... Потом спектакль выпал из репертуара, режиссер этот продолжал ставить, а про Глеба почему-то за-

были... Мы тогда хлебнули лиха. Чтобы прожить, я институт бросила, челночить начала, в Турцию за шмотками моталась и в Польшу... А Глеб на машине подрабатывал, левачил. И еще пробовал бизнесом заниматься, но это плохо кончилось. Он так прогорел... Мне даже пришлось квартиру родителей продать, чтобы выкрутиться, и еще много чего... Но мы справились! У нас, слава богу, хорошая квартира, она Глебу от тетки досталась, так что мы, можно сказать, ничего не потеряли, но мне тогда так страшно было, его грозились убить...

Я замолчала, от этого воспоминания у меня опять кровь в жилах застыла, я вспомнила жуткие ночные звонки, угрозы, этот давящий страх.

Мария Львовна погладила меня по руке, она, казалось, все понимала.

– Саша, девочка, а твой Глеб, он пьет?

– Пьет? Нет, слава богу, не пьет! Хотя был момент, когда он начал пить, но я тут просто на уши встала... Тогда и вправду тяжело было, на нас двоих одна его крошечная зарплата, ему даже подработать не удавалось, машина вышла из строя, а починить не на что, челночить он мне запретил, я это плохо умела, меня вечно обманывали... И тогда он начал пить, но тут меня Уляша на эту работу устроила, к своим дальним родственникам, они очень хорошие люди, и платят мне хорошо, и я бы обязательно Глебу призналась, но он тогда в депрессии был, если б я сказала, что пошла в домра-

ботницы, он бы не пережил, ну я и наврала, что устроилась бухгалтером в одну коммерческую фирму. Я когда-то окончила бухгалтерские курсы, вот он мне и поверил. А теперь, кажется, все, судьба повернулась к нам лицом... Вот даже бабушку мне послала... И у Глеба дела идут на лад.

– Сашенька, а почему у вас нет детей? Ты не хотела?

– Я хотела, я так хотела... Но у меня был выкидыш, как раз когда случилась вся эта заваруха с его бизнесом, от страха наверное... А больше, больше ничего не получается. Хотя, если честно, я с тех пор запретила себе об этом даже мечтать. Решила, что не судьба.

– Саша, но ведь ты еще молодая, тридцать три всего! Меня мама в сорок лет родила! Так что ты еще успеешь! Ты у врача-то была? Знаешь, почему не беременеешь?

– Вам хочется правнуков? – улыбнулась я.

– Нет, детка, я об этом даже не думала, просто я знаю, жизнь без детей – это невесело, плохо, а мне хочется, чтобы у тебя все было хорошо. Знаешь, ты должна будешь приехать ко мне, у нас в Израиле прекрасная медицина, я покажу тебя лучшим врачам. Ты сможешь ко мне приехать?

– Не знаю, я не думала... Наверное...

– Саша, я хочу познакомиться с твоим мужем!

– Я обязательно это устрою! – горячо пообещала я. – А вы в Москву надолго?

– Я улетаю через десять дней!

– Я вас познакомлю! Знаете что, послезавтра у него спек-

такль, он играет Кристиана в «Сирано». Хотите пойти?

– «Сирано де Бержерак»? О, с удовольствием, помню, я видела еще Рубена Симонова в роли Сирано...

– А после спектакля можно поехать к нам!

– О нет, после спектакля – это поздно, у меня, Сашенька, уже нет на это сил.

– Тогда пойдемте в театр послезавтра, а в субботу приходите к нам! Я что-нибудь вкусненькое приготовлю.

– Ты хорошо готовишь?

– Говорят, да. Так вы согласны, Мария Львовна?

– Разумеется, согласна. Только, пожалуйста, говори мне «ты», и не надо имени-отчества, лучше просто «бабушка».

– Хорошо, я попробую, но, наверное, сразу у меня не получится.

– Сашенька, а ты не могла бы завтра в это же время прийти опять сюда, мне не хочется ни одного дня терять... Теперь, когда я обрела тебя...

– Я приду! Я обязательно приду! – горячо заверила я. – А сейчас, наверное, уже побегу... вы устали, и я тоже, честно говоря, столько волнений, вам надо отдохнуть...

– Действительно, столько волнений. Но должна сказать, Саша, впервые после смерти Вени я чувствую себя почти счастливой.

Мы нежно обнялись на прощание, и я ушла. Меня трясло и колотило. Мне отчего-то было страшно, словно я подошла к какому-то рубежу... На Арбате было шумно и ожив-

ленно, а мне хотелось тишины и покоя. Но, представив себе, что буду до глубокой ночи сидеть дома одна, я заколебалась, ехать ли домой. Нет, я поеду сейчас к Уляше. Уляша – моя старшая подруга. Она живет одна, и к ней вполне можно заявиться без звонка. Уляша была подругой мамы, а теперь стала моей... Она одинокая интеллигентная женщина, немного, может быть, странная, но добрая, умная и меня обожает, как, впрочем, и я ее. Кстати, она ведь может знать о том, что мой настоящий отец – этот Веня...

– Александра, что за пожар? – воскликнула она, открыв мне дверь. – Твой красавец наставил тебе рога?

– Уля, а разве женщинам наставляют рога? – не придумала я ничего умнее.

– Ага, значит, ты ему рога наставила? Давно пора! Твоя верность набивает оскомину. Сашка, что за дела? Ты почему такая зеленая? – вдруг сменила тон Уляша.

– Уля, ты знаешь, кто такой Вениамин Демшицкий?

– Опаньки!

– Так знаешь или не знаешь?

– Знала когда-то такого. Он был диссидент, красивый малый, кажется, математик. А что?

– Это все, что ты о нем знаешь?

– Сашка, что ты придуриваешься?

– Нет, это ты придуриваешься! Ты знаешь, кем он мне приходится?

– Опаньки!

– Да что ты заладила «опаньки» да «опаньки»?

– Ну я не знаю, что и сказать...

– Скажи как есть, я все равно уже в курсе.

– Откуда?

– От верблюда!

– Александра, ты что себе позволяешь? Я тебе в матери
гожусь!

– Прости.

– Ладно уж, прощаю, не хотела говорить, но раз ты в курсе... Слушай, если ты уже все знаешь, то за каким чертом тебе мой ответ? Но хотела бы я услышать, какая тварь тебе проболталась?

– Не тварь, а бабушка.

– Какая еще бабушка? – вытаращила глаза Ульяша.

– Моя бабушка, мать Демшицкого.

– Опаньки!

– Уля! – завопила я.

– Ах да, прости. Откуда взялась вдруг эта бабушка?

– Из Израиля. Приехала со мной познакомиться, и я сейчас у нее была. Это как гром среди ясного неба, я чего угодно ожидала, когда шла к ней, но только не этого...

– Воображаю! Ну и как ты отнеслась?

– Я в смятении, если честно. Понимаешь, я ведь все равно всегда буду считать отцом папу, моего папу... И вдруг еще какой-то отец. Я думала, это только в кино бывает...

– Кино – штука довольно приближенная к жизни, долж-

на тебе заметить, особенно мелодрамы. Когда-то в юности я тоже вдруг узнала, что мой отец не мой отец, а узнав, поделилась с одной подругой, так оказалось, что у нее такая же история.

– Обалдеть!

– Ах, Сашка, в этой жизни обалдевать приходится довольно часто. Ну и что от тебя хочет эта бабушка? Любви, что ли?

– Ну вроде да...

– А больше ничего?

– А чего можно от меня хотеть? Что у меня есть? Блоха в кармане?

– И Глеб на аркане! – захохотала Уля. – Между прочим, это может вскоре оказаться некоторой ценностью, Я вчера была в одном доме, так там две юницы просто подышали от восторга по поводу господина Ордынцева. Он, дескать, самый красивый мужик в Москве и Московской области, едва не загубленный талант и безусловно восходящая звезда!

– Правда? – обрадовалась я.

– Чего ты ликуешь? Это ни к чему хорошему не приведет, – горестно покачала головой Уляша. – Впрочем, черт с ним, расскажи лучше про бабуку. Кстати, а Демшицкий сам побоялся приехать?

– Он умер.

– Ох ты господи, я не знала. А старушка решила найти внучку... Что ж, логично.

– Она хочет, чтобы я поехала к ней, она там покажет меня

врачам, чтобы я могла родить.

– Опаньки! Круто берется. Между прочим, ты пока и нашим врачам не показывалась. Могла бы уж давно... Хотя что бы вы ели, если б ты не работала? Но сейчас, конечно, все меняется. Похоже, твой Глебчик и вправду в звезды выбивается... Ох, Сашка, тебе будет трудно.

– А когда мне было легко? – пожала я плечами. – Даже если у Глебки голова закружится от успехов, я сумею ему все объяснить, он же умный и меня любит, ты ведь знаешь.

– Знать-то я знаю, но... Впрочем, чего раньше времени каркать. Ты его с бабушкой знакомить собираешься?

– А как же!

– Сашка, вот тут я не уверена...

– Что ты хочешь сказать? – удивилась я.

– Принимая во внимание характер твоей свекрови...

– При чем тут свекровь?

– Ведь она тоже узнает о бабушке, правда?

– Ну и что? Это не позор.

– На твой взгляд. И на мой тоже, но за эту особу я не поручусь.

– Да ей-то что за дело?

– Ну, во-первых, она, по моим наблюдениям, не чужда антисемитизма, это раз, во-вторых, жуткая ханжа.

– Уля, мне на нее наплевать с высокого дерева!

– Что ж, наплевать так наплевать.

– Как ты себе это представляешь? У меня появилась

бабушка, совершенно очаровательная старушка, которой я нужна, и я скрою ее от мужа, так? На что это похоже?

– Ты когда собираешься их знакомить?

– В субботу! А в пятницу поведу ее на «Сирано». Слушай, ты тоже приходи к нам в субботу, обязательно! Я тебя с ней познакомлю!

– Думаешь, это удобно?

– А что ж тут неудобного? Она хочет познакомиться с моими близкими, а ты не близкая, что ли?

– И Светика позовешь?

– Ни за что! Не желаю ее постную рожу видеть. Она-то мне не близкий человек, правда? Да и Глеб не любит, когда она с гостями... вечно что-нибудь ляпнет... Так ты придешь?

– Дурацкий вопрос, конечно, приду. Мне очень интересно. Только, Сашка, скажи, когда ты с ней теперь увидишься, с бабкой новоявленной?

– Завтра, после работы.

– Да, между прочим, я хотела сказать... Сашка, боюсь, тебе надо бросить работу.

– И ты туда же! Сама меня устроила... Мне вчера и свекруха уже советовала бросить работу, а Глеб просто требует. Кстати, ему ведь предложили роль...

Я рассказала Ульяше об открывшихся перспективах.

– Сашка, немедленно ищи себе замену. Надо уходить с этой работы. Для жены знаменитости занятие недопустимое, еще почище проституции.

– Ну ты даешь! – расхохоталась я.

– Правда, правда! Сама попадешь в неловкое положение и всех тоже подведешь, и Миловановых, и Глеба... И еще, Сашка, тебе надо срочно заняться своей внешностью! Ты себя безбожно запустила!

– Слушай, ты что, с моей свекровью сговоришься? Кажется, первый раз в жизни вы с ней дудите в одну дуду.

– Опаньки! Это сильно меня компрометирует. Но, видимо, здесь наблюдается единство противоположностей.

Домой я приплелась уже неживая. Глеба еще не было. Я приняла душ и без сил рухнула в постель.

Утром я вскочила ни свет ни заря, приготовила Глебу горячий завтрак и пошла его будить, ему сегодня надо к одиннадцати на радио. Вчера я даже не слышала, когда он вернулся.

– Санька, ты вчера так умаялась, что даже не шелохнулась, когда я пришел. Ты подала заявление?

– Подала, – ответила я, иначе он раскричался бы. – Только меня просили поработать, пока не найдут замену, понимаешь?

– Да сейчас таких бухгалтеров, как ты, пруд пруди, – засмеялся он. – Я вообще удивляюсь, как они тебя столько времени держали.

– Глеб, я хочу завтра сходить в театр, на «Сирано».

– Да? Иди, в чем проблема?

– Нет, мне нужно два билета, и желательно на хорошие места.

– С кем это ты собралась? – насторожился Глеб.

– С одной знакомой. Она старенькая, хочет на тебя посмотреть поближе. Сделаешь?

– Что за знакомая? – спросил он, взглянув на часы.

Я поняла, что он спешит и ему сейчас не до моих дел. Ладно, расскажу вечером.

– Дальняя родственница мамы. Она приехала в Москву и...

– Понятно, провинциальная старушка? Ладно, будут тебе билеты. Все, Санька, я побежал!

– Куда, тебе же к одиннадцати?

– Здравствуйте! Мне к половине десятого на встречу с итальянцами, а потом на радио. Все, чао!

Он унесся. Эх его закрутило! Но это же прекрасно!

Как вспомню Глеба целыми днями валяющимся на старом диване, глядя в потолок... Нет уж, пусть лучше крутится с утра до ночи, ему это куда полезнее.

Я быстренько оделась и выскочила из дома. И опять увидела красные буквы «Хочу бабу на роликах!». А может, мне ролики завести? Чтобы похудеть, а то я в старые юбки почти уже не влезаю. Я решила сегодня немного пораньше прийти на работу, чтобы застать хозяев. Но я могла не торопиться, Тамара Игоревна встретила меня с опухшим, покрасневшим носом и воспаленными глазами.

– Саша, как хорошо, что вы пораньше пришли, не могли бы вы мне поставить горчичники на спину? А то Семен Иванович ни за что не соглашается, боится.

– Горчичники поставить боится? – удивилась я.

– Представьте себе, – она тоже усмехнулась, но невесело, – он вообще ненавидит любые медицинские процедуры. А вы, надеюсь, не боитесь?

– Ну банки ставить я бы не взялась, а горчичники запросто.

Когда я налепила хозяйке на спину горчичники, прикрыла их махровым полотенцем и укутала ее теплым одеялом, она попросила:

– Саша, посидите со мной, а то скучно лежать, в такой позе – ни телевизор не посмотришь, ни книжку не считаешь. Как у вас дела, Саша?

Момент, конечно, не самый подходящий, но с другой стороны...

– Тамара Игоревна, вы знаете, мне придется от вас уйти.

– Что? – дернулась она. – Уйти?

– Да. У меня так все складывается...

– Я этого ждала, – вздохнула Тамара Игоревна. – Ваш муж пошел в гору...

– Но разве вы знаете? – растерялась я.

– Знаю, Сашенька. Просто я вам не говорила, не хотела вас смущать. Но Ульяна мне с самого начала сказала, кто вы. И не волнуйтесь, я не собираюсь сообщать прессе пикантные

подробности семейной жизни будущей звезды, вас ведь это беспокоит?

– Нет, но я... Вы тоже считаете, что Глеб – будущая звезда?

– Несомненно. У меня на работе девушки уже обсуждают его. Восхищаются, млеют.

– Но почему? Ведь сериал еще не вышел...

– Они в театр бегают специально посмотреть на Ордынцева.

– Тамара Игоревна!

– Нет, правда, правда, Саша. Он дождался своего звездного часа. И всем этим он, между прочим, обязан вам.

– Нет, – засмеялась я, – ведь это он красивый и талантливый, а не я.

– Я знаю, что вы скромная женщина. Но мой вам совет, Сашенька, будьте настороже, сейчас очень серьезный момент в вашей жизни наступает. И простите меня за некоторую бестактность, но вам надо заняться собой.

– Да-да, я знаю, но ведь это требует больших денег, а их у нас пока еще нет. И тем более если я уйду с работы...

– Саша, когда вы хотите уйти?

– Я не знаю, наверное, надо кого-то подыскать на мое место, а до тех пор я поработаю, вы не думайте, Тамара Игоревна.

– Я сегодня же позвоню одной знакомой, она говорила, что у нее есть на примете хорошая женщина. И если выгорит, то с понедельника считайте себя свободной.

– Вы не обиделись?

– Сашенька, помилуйте, какие обиды? Надеюсь, что за эти годы и я вас ничем не обидела.

– Боже упаси!

– Вот и чудесно. Кстати, Саша, если вам понадобится хорошая косметичка, я вам порекомендую...

– Спасибо. Но пока мне это не по карману...

– Надеюсь, скоро вам это будет по карману! Очень вам этого желаю.

– Спасибо, спасибо за все.

И я взялась за уборку. Настроение у меня было просто великолепное, что называется, душа пела.

Все, буквально все твердят, что Глеб звезда! Я-то всегда это знала, но другие почему-то упорно не желали это признать, а вот теперь... Вероятно, он вошел в свой звездный возраст. И теперь есть спрос на красивых мужчин в кино и на телевидении, а Глеб ведь еще и очень талантлив. И мы любим друг друга, несмотря на четырнадцать трудных лет, а значит, все у нас будет прекрасно, просто замечательно, а теперь еще и бабушка у меня появилась... Почему же я все-таки ничего Глебу о ней не сказала? Он сегодня слишком спешил, о таких вещах нельзя говорить второпях.

Я что есть сил надраивала плиту, когда в кухню пришла Тамара Игоревна:

– Саша, вы опять без перчаток, сколько раз я вам говорила – работать нужно в перчатках!

– Не могу, Тамара Игоревна, руки в перчатках устают, и еще мне кажется, вся грязь остается, если в перчатках...

– Саша, хочу вам сказать, что вы можете уже завтра быть свободны. Я позвонила, и та женщина завтра придет. Пока я дома, введу ее в курс дела.

– Вот здорово! – возликовала я. – Спасибо вам!

– Это вам, Саша, спасибо. С тех пор как вы появились в нашем доме, я горя не знала. А руки вам все-таки надо беречь!

– Начну беречь их с завтрашнего дня! – пообещала я.

Вечером, прощаясь со мной, Тамара Игоревна расчувствовалась и кроме причитающихся мне денег подарила флакон французских духов «Поэма» и сказала:

– Саша, а вот еще на счастье вам шарф от Армани. Очень шикарная фирма! Пусть он станет символом новой звездной жизни для вас!

Мы расцеловались, у обеих глаза были на мокром месте. И я ушла. Шарфик лежал в роскошной фирменной коробке, духи были запечатаны, а мне не терпелось их понюхать и разглядеть шарфик. Но не заниматься же этим на улице. Ничего, у бабушки посмотрю, решила я. У бабушки! С ума сойти!

Бабушка встретила меня сияющей улыбкой.

– Саша, я соскучилась уже!

– Я тоже!

– А почему ты так сияешь?

– По-моему, у меня началась светлая полоса!

– Вот и чудно! А я испекла для тебя пирожок с яблоками, ты любишь?

– Очень, спасибо!

Мы пили чай, болтали, рассматривали подарки Тамары Игоревны, бабушка их очень одобрила, а потом сказала:

– Саша, я тоже хочу тебе что-то подарить. У меня есть для тебя неплохой подарок, но его я отдам в последний день, а пока... Ты не обидишься, если мы завтра утречком пойдем в хороший магазин и купим тебе что-нибудь, а?

– Что? – растерялась я. – Зачем, что вы!

– Мне хочется. Я ведь не знала тебя, не могла привезти тебе ничего, я хотела колечко, но не знала даже, какой у тебя размер...

– Да куда мне колечки, руки не те...

– Вот! Я узнала специально, что в Москве тоже наращивают ногти, и, более того, уже связалась с одной милейшей девушкой, которая приходит на дом. У тебя сразу будут совсем другие руки. Правда, в Москве я опасаюсь покупать кольца, да и, честно говоря, ничего приличного я не видела, но ты приедешь ко мне в Израиль, и уж там-то мы выберем. Моя соседка по дому как раз торгует бриллиантами в отеле «Хай-ят» на Мертвом море. Мы к ней поедem, и ты выберешь сама, а она даст нам все мыслимые скидки, она очень милая женщина...

Сказать по правде, меньше всего на свете меня волновали

бриллианты. Никогда я о них не мечтала.

Если мне и хотелось что-то из предметов роскоши, то только легкую, изящную шубку. Но не говорить же об этом бабушке, а то она, чего доброго, помчится мне ее покупать, а на дворе уже весна... Да и вообще.

Я же не знаю, сколько у нее денег, я вовсе не хочу разорять старушку. Пусть помечтает о том, как будет покупать мне бриллианты на Мертвом море... У меня голова шла кругом от всего этого. И мне вдруг безумно захотелось поехать в Израиль, теперь это уже не представлялось несбыточным желанием...

– Конечно, наш Арад – скучнейшее место, хотя он чистенький, цветов масса, зелени, и близко от Мертвого моря, но я там живу из-за астмы. Климат идеальный для астматиков. Но ты поездишь по всей стране, увидишь столько всего интересного. У меня чудесная квартира, двухэтажная, с громадным балконом, выходящим на пустыню. Тебе понравится, я уверена. И к тому же я завещаю эту квартиру тебе.

– Что? – ошалела я.

– Да-да, кому же еще? Захочешь, продашь, а может, сохранишь и будешь иногда приезжать вместе с мужем...

Увидев мое совершенно обалдевшее лицо, она засмеялась:

– Саша, девочка, теперь тебе станет жить легче, я буду помогать по мере сил, я вот смотрю на тебя и чувствую родственную душу... Я так счастлива, что на старости лет у ме-

ня появилась внучка. Значит, ты говоришь, завтра тебе уже не нужно на работу?

– Да.

– В таком случае я сейчас же позвоню Верочке.

– Кто это – Верочка?

– Маникюрша. Она приедет и приведет в порядок твои руки.

И бабушка отправилась звонить Верочке.

– В половине одиннадцатого она будет здесь. Эта процедура займет не меньше двух часов. А потом мы поедем в магазин и купим тебе красивое платье и туфли, чтобы ты пошла в театр очень элегантно. И не спорь, бабушку надо слушаться.

Я смотрела на нее во все глаза и чувствовала себя героиней дурацких женских романов, которых начиталась однажды, лежа в больнице. Только мне казалось что в жизни такого быть не может, во всяком случае, в моей жизни. Нет, точно, не зря мне подмигнула белая кошка!

– Сашенька, ты почему молчишь?

– А я не знаю, что говорить.

Она радостно засмеялась:

– До чего же приятно на старости лет оказаться в роли доброй феи.

– Наверное, – улыbnулась я. – Только вот Золушка уже престарелая.

– Саша, не смей так говорить! Тебе только тридцать три,

у тебя все впереди, поверь мне! У нас обеих есть повод радоваться жизни, а это великолепно!

Я не могла с ней не согласиться.

Вечером я включила телевизор и уселась на диван, поставив перед собой мисочку с теплой водой, куда выдавила поллимона, чтобы немного привести в божеский вид свои руки. Я и впрямь их безобразно запустила. У меня теперь будет другая жизнь, эта мысль возвращалась ко мне вновь и вновь, а я совсем не готова к новой жизни. Я абсолютно ничего не воспринимала из того, что видела на экране. И тут зазвонил телефон.

– Сашка, немедленно включай телевизор, – раздался голос Глеба. – РТР! – И он бросил трубку.

Я переключилась на второй канал. Там как раз заканчивались «Вести», и вдруг я увидела Глеба. Он стоял возле театра, а молоденькая корреспондентка спрашивала у него, правда ли, что он получил какой-то приз. От волнения я не разобрала даже, о чем речь.

Он обворожительно улыбнулся и скромно ответил:

«Да, получил». И добавил, что счастлив. Это очень почетный приз. И на этом все кончилось. Пошла реклама.

И тут же опять зазвонил телефон. Ульяша.

– Санька, поздравляю! Я так за тебя рада!

– Уля, – взмолилась я, – что это было? Какой приз, я не поняла...

– В Чехии Глеба называли лучшим иностранным актером года.

– В Чехии?

– Ну он же был в Праге, ты сама говорила!

– Ну да, с театром. Он там заменил Юльского в «Горе от ума»... Неожиданный ввод...

И тут только до меня дошло. Премьер их театра Юльский чем-то отравился, и Глеб заменил его в роли Чацкого. Он говорил, что имел большой успех, так радовался, а потом, в Москве, ему больше не дали сыграть Чацкого, и вот теперь...

– Уля, неужели это приз за Чацкого?

– Я точно не знаю. А что он еще там играл?

– Да ничего, только Репетилова в двух первых спектаклях, а потом Чацкого...

– Ну вот! Чехи смогли оценить его диапазон! Сперва Репетилов, а потом Чацкий! Это действительно класс! Я помню, Чацкого когда-то дивно играл Никита Подгорный, а потом он же через много лет блистательно сыграл Репетилова. А твой Глеб умудрился за одну неделю все перевернуть. Поздравляю, Сашка, это здорово! Но, боюсь, Юльский его со свету сживет!

– Теперь уже не сживет! Теперь Глеб настоящая звезда! Улька, я так счастлива, так счастлива! Все, не могу больше телефон занимать, вдруг Глеб прозвонится, это он мне велел включить телевизор!

Едва я положила трубку, как телефон снова зазвонил.

– Сашенька, поздравляю! Страшно рада за вас с Глебом! – Это была Ангелина Семеновна, педагог Глеба по ГИТИСу. Она всегда его обожала, верила в его звезду, как она сама говорила. – Вот видите, Саша, мои пророчества сбылись. От всей души радуюсь за вас обоих. Долго пришлось ждать признания, но лучше поздно, чем никогда. Это и ваша заслуга! И обязательно передайте мои поздравления Светлане Георгиевне.

Я похолодела. А вдруг она еще не в курсе? Это будет смертельная обида! К счастью, Ангелина Семеновна не стала долго болтать. Я сразу набрала номер свекрови, но у нее было глухо занято. Значит, кто-то ей уже звонит. Тогда я позвонила бабушке.

Как же она радовалась за меня! Сама она не видела «Вестей», но сказала, что непременно посмотрит следующий выпуск. И тут же позвонили в дверь. Это была Лика, соседка со второго этажа.

– Саша, ты видела? Класс! Молодец Глеб! Поздравляю! Он дома?

– Нет, он мне позвонил в последний момент, велел включить телевизор, и все.

– Сашка, ты что такая очумелая?

– Сама не знаю, столько всего сразу свалилось хорошего, а я не привыкла...

– Кончай эту фигню! Надо радоваться жизни, раз такое дело! Между прочим, у тебя выпивка есть?

– Ты хочешь выпить? – удивилась я.

– Дело не во мне, хотя есть повод, но я просто уверена, что Глеб притащит целую кодлу, чтобы обмыть радостное событие!

– Он бы меня предупредил... – растерялась я.

– Ладно, я сейчас Виктора сгоняю, он все купит!

– Лица, у Глеба сегодня съемки, вряд ли он кого-то притащит...

В дверь опять позвонили. Это явился Гена, школьный друг Глеба, живущий неподалеку.

– Александра, Александра, – с порога запел он, – этот парень наш с тобою, ты взглядишь в его лицо! Что бы ни было в начале, миновали все печали! Но гляди, не потеряй ты обручальное кольцо!

– Ну ты даешь! – восхитилась Лица. – В своем репертуаре!

Гена обожал переиначивать тексты известных песен. Иногда это получалось очень смешно, а иногда вполне топорно. Работал Гена менеджером в какой-то фармацевтической фирме, хотя в свое время окончил энергетический институт.

– Сашка, у тебя выпить есть? По такому поводу грех не выпить!

– Что я говорила! – с торжеством воскликнула Лица.

– У меня есть початая бутылка! – вспомнила я.

– Бутылка чего? – деловито осведомился Гена.

– Водки.

– Годится по рюмашке дернуть! А напиваться ни-ни!

Только в субботу вечером можно напиться со спокойной совестью.

– А в пятницу, что ли, нельзя? – удивилась Лика.

– Мне – ни-ни! В субботу утром работаю, капиталисты чертовы эксплуатируют на полную катушку!

– Саш, ну так что, Виктора гнать за водкой?

– Не надо, Лика, у меня и денег нет, – соврала я. Мне вовсе не хотелось сегодня шумной попойки.

Тем более у Глеба завтра спектакль. Я просто мечтала что он придет домой и мы вдвоем порадуемся успеху, поговорим... Я ведь еще не успела рассказать ему о бабушке. Но моей мечте не суждено было сбыться. Едва я выпроводила добряка Гену и веселую соседку, как в дверь опять позвонили – и на пороге возникла Светлана Георгиевна с букетом красных роз и огромным тортом:

– Саша! Будем праздновать! Что я тебе на днях говорила? Вот оно! Наконец-то! Теперь Глеб им всем покажет! Этот Юльский небось лопнет от зависти или уже лопнул! А где Глеб?

– Не знаю. На съемках, скорее всего, у него по плану съемки, но вообще уже скоро должен вернуться.

– Саша, ты подала заявление об уходе?

– Подала, более того, уже завтра не пойду на работу!

– Вот и слава богу! Я верила, я всегда верила, что мой единственный сын... Саша, поставь цветы!

Я покорно занялась розами. При ближайшем рассмотре-

нии они оказались не очень свежими и вряд ли достоят до завтра, но я промолчала. Да это и неважно. Сама не знаю почему, но я опасалась, что свекровь сейчас спросит меня о том, кто такая Мария Львовна из Израиля, но она, видимо, забыла о ней.

И отлично. Мне совершенно не улыбалось обсуждать с ней всю эту историю. Тем более что Глеб еще ничего не знает.

– Саша, а ты знала об этой премии? – как бы мимоходом осведомилась Светлана Георгиевна.

– Не имела ни малейшего понятия. Я просто вдруг увидела Глеба по телевизору.

– Я тоже! Но почему Глеб нас не предупредил, мог бы хоть позвонить!

– Наверное, ему было некогда!

Мою свекровь нельзя назвать абсолютным монстром, нет, но она до такой степени обидчива и ревнива, что во избежание скандалов и истерик действительность все время приходится чуть-чуть подправлять, что меня просто угнетает. Я страшно устаю все время быть начеку.

– Но мы ему это простим, да, Светлана Георгиевна?

– Еще бы! Главное, что мы узнали!

– А я вам кинулась звонить, но у вас было занято, – сказала я чистую правду.

– Да, у меня сразу телефон перегрелся! – Она ликовала. – Саша, знаешь, я не очень-то поняла, что это за премия? –

вдруг призналась свекровь, что было ей несвойственно. – У меня голова кругом пошла.

– У меня тоже! Мне Ульяша объяснила.

Ульяшу Светлана Георгиевна терпеть не может.

Они друг другу противопоказаны. Но на сей раз Светлана Георгиевна промолчала. Слишком была рада.

Телефон не умолкал. Похоже, вся Москва сегодня смотрела «Вести». И телевизор продолжал работать.

Светлана Георгиевна пыталась на других каналах поймать вожделенную информацию, но удалось ей это лишь на канале «Культура». Там повторили тот же сюжет.

– Может, нехорошо так говорить, но до чего же красив мой сын, – с гордостью сказала счастливая мать.

– Не стану спорить, – улыбнулась я.

– Саша, в квартире необходимо сделать ремонт!

– Я знаю. Но у меня нет денег. Вот когда Глеб вернется из Италии, может, удастся...

– Глеб едет в Италию? – нахмурила брови свекровь.

Кажется, я дала маху. Он не удосужился сообщить об этом мамочке.

– Да, это вчера выяснилось. Его пригласили сниматься в каком-то фильме, я и сама еще ничего толком не знаю... Он мне сказал об этом только сегодня утром, когда я уже убежала... – попыталась я выгородить мужа. – Он придет и все расскажет.

– А ты почему мне не сообщила?

– Но я просто не успела! Пришла с работы, а потом началась эта свистопляска.

– Ты называешь свистопляской успех своего мужа?

О господи, дай мне силы!

– Светлана Георгиевна, я хотела сначала сама хоть что-то узнать подробнее, а потом непременно позвонила бы вам.

– Да, кстати, а кто такая Мария Львовна из Израиля?

Но в этот момент дверь распахнулась и в квартиру ввалился Глеб с охапкой желтых тюльпанов.

– Сашка! – закричал он. – Живем! О, и мама тут!

Я повисла у него на шее:

– Глебка, поздравляю, я так счастлива!

– Саша, ты ломаешь ему шею! Ты не такая уж пушинка!

– Своя ноша не тянет! – рассмеялся Глеб. Он выглядел совершенно счастливым, глаза сверкали. – Уф, я еле отмотался от пьянки, завтра с самого утра встреча с корреспондентом «Вечерки», надо быть в форме. Но есть хочу смертельно! Сашка, откуда розы?

– Это я принесла. Пусть первые цветы у тебя будут от мамы.

– Спасибо, мамуля, ты у меня неподражаема!

– Я еще и торт принесла, сейчас попьем чайку!

– Торт? Ох нет, мне бы чего-нибудь посущественнее, сладкого не хочется.

Светлана Георгиевна обиженно сдвинула брови.

– А я вот с удовольствием тортика съем, – поспешила я ее

успокоить. – Он, наверное, классный!

– Ну тебе-то на ночь есть торт не очень полезно, – не удержалась свекровь. – Тебе не мешает похудеть.

Глеб сделал мне большие глаза: мол, крепись, это надо пережить как стихийное бедствие.

Я взяла себя в руки.

– Ничего, начну худеть с завтрашнего дня, какая разница. Жалко, чтобы такой торт пропал, вы ведь тоже от него не откажетесь, правда?

– Ладно, попробую кусочек, мне его очень рекомендовали, сказали, что это самый лучший.

Торт и вправду был вкусный, так что даже Глеб, умяв две куриные ноги с рисом, рискнул его отведать и пришел в восторг:

– Мама, торт – мечта! Только он очень большой, ты возьми с собой, завтра утром кофе попьешь. Сашка, заверни маме торт, я ее отвезу, а то уже поздно.

Светлана Георгиевна от неожиданности чуть не поперхнулась, но отказываться не стала. Хотя в душе наверняка застила обиду – обожаемый сын недвусмысленно дал понять, что ей пора домой.

Глеб вернулся очень быстро.

– Здорово я маму сплавил, а то она, по-моему, собиралась у нас ночевать. Сашка, родная, неужели свершилось?

– Кажется, да. Ох, Глеб, я чуть с ума не сошла от радости. А как ты узнал?

– Мне сообщил наш главный, позвонил на студию, поздравил. Снизошел, как говорится. Я просто отпал! Ушам своим не поверил. Помчался в театр, а там меня уже телевидение отловило. Кто-то сообщил по Интернету, кажется, да какая разница! Ты подала заявление?

– Уже завтра не пойду на работу! – ляпнула я и тут же сообразила, что завтра с утра должна быть у бабушки. – Вернее, завтра еще пойду передавать дела... – И почему я опять соврала?

– Да? Значит, ты не такой уж ценный кадр! – засмеялся Глеб. – Я вообще не понимаю, какой из тебя бухгалтер...

– Видно, не очень хороший, – радостно согласилась я. – Глеб, ты знаешь, я хотела тебе сказать...

Но он меня не слушал.

– Сашка, как ты считаешь, в чем мне завтра пойти на интервью?

– В каком смысле?

– В прямом, в каком же еще? Что надеть?

– А это так важно?

– Конечно, важно.

– Тогда надень костюм с галстуком.

– Утром? Глупо. Тем более этот костюм я уже не могу видеть...

– Тогда надень голубой свитер, он так тебе идет...

– М-да, выбор у новой звезды невелик, – засмеялся он, но в его смехе чувствовалась горечь.

– У меня есть двести пятьдесят долларов, давай рано утром что-нибудь купим!

– Что мы купим рано утром? Бред, Сашка. Ладно, не в этом счастье... А голубой свитер чистый?

– Только вчера постирала.

– Вот и отлично. А может, лучше серый пуловер с голубой рубашкой. Все-таки уже весна...

– Можно и так. Подлецу все к лицу.

И тут вдруг опять телефон словно с цепи сорвался.

Актерская братия уже прознала. А ночное время для нее не помеха. В результате, когда мы наконец легли, я уже не стала ничего рассказывать Глебу. А просто решила привести бабушку к нему за кулисы и поставить перед свершившимся фактом. Если же не получится, расскажу завтра вечером, а в субботу она придет к нам в гости.

Утром рано Глеб умчался на встречу с журналистом или журналисткой, не знаю. А я, прибравшись, вышла из дому, чтобы ехать к бабушке. По-прежнему красные буквы на гаражах вопили: «Хочу бабу на роликах!» И солнышко пригревало. Хорошо! Я блаженно зажмурилась. Весна! Новая жизнь!

– Ой, женщина, извините, вы в этом доме живете? – спросила меня молоденькая девчушка в ярко-красной куртке, розовой юбке и розовых колготках.

– Да, а что?

– Вы не в курсе, говорят, в этом доме живет Ордынцев?

– Кто? – поперхнулась я.

– Ну, Глеб Ордынцев, артист!

– Ах, Глеб Ордынцев... Да, живет.

– А вы его знаете?

– Ну так, немного...

– А жену его знаете?

– Жену? Видела пару раз...

– Да? Говорят, она такая чувырла!

– Чувырла? – задыхнулась я. – Кто вам сказал?

– Да не знаю, все говорят. В каком подъезде они живут?

– А вам зачем? – поинтересовалась я.

– Как – зачем? Я от него фанатею! Мне надо знать!

– А я вот не фанатею и ничего не знаю!

– Ну женщина, вы чего? Сами же сказали, что знаете. Ну хоть подскажите, в каком подъезде, вам жалко, что ли?

– Да зачем тебе? Будешь под дверью торчать и мешать людям жить? – не на шутку разозлилась я.

– Почему – мешать? Просто хочу посмотреть, как он живет... и все. Ну, может, смогу в магазин для него сгонять или еще что... А вы не хотите говорить, не надо. Я все равно узнаю!

Девчонка дернула плечиком и пошла прочь.

А у меня настроение испортилось безвозвратно. Я чувырла? Значит, обо мне уже судачат? Говоря, что я не пара красавцу Глебу Ордынцеву? Нет, ну надо же, какое мерзкое унижительное слово – чувырла!

– Сашенька, что с тобой? – воскликнула бабушка, едва я переступила порог квартиры на улице Вахтангова. – Что-то стряслось?

– Бабушка, мне сегодня сказали, что я чувырла.

– Чувырла? – переспросила бабушка.

– Да, именно.

Бабушка вдруг как-то молодо рассмеялась. Я в недоумении на нее уставилась. Что же тут смешного?

– Нет, Саша, ты совсем не чувырла, а разве что немножко лахудра, но в этом есть определенный шарм. И этим ты мне напоминаешь Веню.

– Разве мужчина может быть лахудрой?

– Наверное, про мужчин такого типа говорят как-то иначе, но главное, что ты меня поняла. Тебе просто надо чуточку заняться собой, да мы уже и встали на этот путь. Скоро явится Верочка. Кстати, я видела вчера твоего мужа. Он и вправду фантастически хорош. Эти глаза... Дивные волосы... Наверное, мягкие?

– Как шелк, – вздохнула я.

– У тебя тоже прекрасные волосы. У меня в юности были точно такие же и так же крупно вились. Вот ты приедешь ко мне, я покажу тебе свои фотографии в молодости. Ты очень похожа на меня, только у меня никогда не было таких огромных глаз. Вы с мужем оба очень глазастые, – засмеялась она. – И вообще, в вас много общего даже внешне, это значит, что вы – хорошая пара.

– Ну где мне до него!

– Саша! Чтобы я никогда этого больше не слышала. Если тебя привести в порядок, ты будешь потрясающе интересной женщиной.

В дверь позвонили.

– А вот и Верочка. Сейчас начнем приводить тебя в порядок!

При виде моих рук Верочка огорченно покачала головой.

– Такое впечатление, что вы все время чистите свеклу, – вздохнула она.

– Угадали, – смутилась я. – Мужу врач прописал два месяца пить свекольный сок. Вот я и испортила руки.

– Боже мой! – воскликнула бабушка. – У тебя нет соковыжималки? И резиновых перчаток?

– Ничего, все поправимо! – решила успокоить нас Верочка.

Вместо двух часов она провозилась со мной почти три, но к концу этой пытки руки мои приобрели совершенно потрясающий вид. Длинные розовые ногти и почти совсем отбеленная кожа были наградой за долгие страдания.

– Какая красота! Но как же с такими ногтями можно что-то делать по дому? – растерялась я.

– Перчатки! Это прежде всего! – сказала Верочка. – И никакой свеклы! Ничего, вы привыкнете! Уверяю вас! Только имейте в виду, через две недели надо будет делать коррекцию. Позвоните мне, я к вам приеду! И обязательно мажьте

руки кремом, не забывайте!

Я просто глаз не могла оторвать от своих ногтей.

Когда-то в молодости я делала регулярно маникюр, но все равно такой красоты у меня не было. Вот и сделан первый шаг на пути от чувырлы к нормальной женщине. И не просто женщине, а жене звезды Когда Вера ушла, мы с бабушкой перекусили и она сказала:

– Сашенька, детка, я не очень хорошо себя чувствую...

– Что? Что такое? – всполошилась я.

– Ничего особенного, просто мне уже семьдесят девять лет. И я хочу вечером пойти в театр. Поэтому в магазин ты уж сходи сама. Я дам тебе свою кредитную карточку, и ты купишь все, что сочтешь нужным.

– Карточку? – испугалась я. – Но я не умею с ней обращаться.

– Тут нет ничего сложного. Ты просто скажешь, что заплатишь карточкой, только и всего.

– Бабушка, а может, не надо? В конце концов, у меня все, в общем, есть, у нас в драматический театр на рядовой спектакль никто особо не выпендривается, а когда вам станет лучше, мы пойдем вместе... И потом, я вообще не хочу... Ну их к бесу, эти шмотки, лучше я побуду с вами...

– С тобой! – поправила меня бабушка.

– У меня не всегда получается, но я привыкну.

– Нет-нет, Саша, ступай в магазин, а я пока полежу, отдохну.

– Но я не знаю, куда идти.

– Мне сказали, что тут рядышком на Смоленской хороший магазин. Вот туда и пойд.

– Но там, кажется, все безумно дорого.

– Сашенька, уверяю тебя, что на хорошее платье и туфли денег хватит, – улыбнулась бабушка. – Иди, иди, деточка, а я полежу.

Казалось, она хочет от меня избавиться. Неужто ей так плохо? Но в таком случае никак нельзя оставлять ее одну.

– Бабушка!

– Иди, Саша, доставь мне такое удовольствие!

Мне ничего не оставалось делать, только уйти. Я вышла на Арбат и медленно побрела в сторону Смоленской. Мне совершенно не хотелось сейчас заниматься тряпками. Но бабушка этого требует. Она сама всегда так элегантно одета, несмотря на возраст, и ей неприятно видеть свою внучку в затрапезье, чувырлой. Значит, надо пойти и что-то купить.

Смоленский пассаж построен уже довольно давно, но я там еще ни разу не была, как, впрочем, и в других шикарных местах Москвы. Я их, сказать по правде, немного побаиваюсь. Видно, сказывается мое челночное прошлое. Но в роли звездной жены мне, наверное, придется все это освоить. Первое, что бросилось в глаза на подходе к Смоленскому пассажи, это фантастически красивые современные светильники в витрине. Боже мой, вот купить бы такую настольную лампу... или нет, лучше вон тот торшер, в виде конуса... Дура

и корова, сказала я себе. Да у тебя в квартире надо менять все! От унитаза до кастрюль. А такой торшер небось полремонта стоит!

Ничего, вот начнет Глеб сниматься по всему миру, тогда и куплю себе такой торшер, только сначала сделаю ремонт. Думаешь, он будет сниматься по всему миру? – спросила я себя. Не сомневаюсь! Да покажите мне в Голливуде актера красивее моего Глеба! Я лично таких не знаю! Но мировой звезде надо соответствовать, и я решительно вошла в Смоленский пассаж. Там было шикарно. И безлюдно.

Наверное, цены умопомрачительные. Но раз бабушка настаивает, попробую! Я огляделась. Рядом был меховой магазин. Я, конечно, замерла перед ним, но входить не стала. Весна все-таки. На эскалаторе я поднялась на второй этаж. И вошла в первый подвернувшийся магазинчик. Девушка-продавщица глянула на меня и тут же утратила ко мне всякий интерес. Видно, сочла просто зевакой, которой конечно же не по карману их роскошный товар. Это было неприятно, и я сразу вспомнила героиню Джулии Роберте из моего любимого фильма «Красотка». Но меня пока никто не гнал, никто мне не хамил, меня просто не замечали. Ну ничего, сейчас эта девица заговорит по-другому.

– Девушка, – решила я, – мне нужно платье, желательно черное.

Она повернулась ко мне:

– К сожалению, на вас ничего нет, у нас только маленькие

размеры.

Я думала, она скажет, «а вы знаете, какие у нас цены?» или что-то в этом роде, но такое...

– А какие у вас размеры? – растерянно пробормотала я.

– Не больше сорок шестого.

– И куда же мне обратиться?

– Попробуйте заглянуть вон туда. – Девушка указала на магазин напротив.

– Спасибо.

– Только там все очень дорого, – сочла своим долгом предупредить продавщица.

В невежливости ее не упрекнешь, но все равно мне было противно. Не махать же перед ее носом бабушкиной кредитной карточкой. И я пошла туда, куда она мне показала. Там все повторилось. Заинтересованный взгляд тут же сменился холодным безразличием. Я решила пока ничего не спрашивать, просто посмотреть. Но то, что я видела, мне совершенно не нравилось. Не сказала бы, что вещи тут много лучше, чем в турецких лавчонках. Только понту больше. И все же я решилась спросить:

– У вас есть хорошее черное платье на меня или костюм?

– А вы знаете, какие у нас цены?

– Безусловно!

– Тогда могу предложить вам вот это!

Она сняла с вешалки черное вечернее платье, все расшитое блестками.

– Нет, это не годится. Мне нужно то, что называется «маленькое черное платье», понимаете? Не длинное, не слишком открытое, без блесков, строгое и элегантное. Можно костюм или платье-костюм.

Продавщица, кажется, поняла, что я не случайно забредшая сюда тетка с базара.

– К сожалению, черного ничего нет, но могу предложить темно-синий костюм.

Костюм был такой красивый, что у меня даже сердце замерло.

– Нравится?

– Очень.

– Будете примерять?

– Обязательно!

Я чуть не расплакалась. Костюм сидел на мне ужасно. Юбка едва сошла в талии, но это бы еще с полбеды, в крайнем случае можно чуть-чуть расставить, перешить крючок, но жакет – это была катастрофа.

– Извините, а на номер больше есть?

– Нет, это единственный экземпляр.

– Жалко. Может, что-то еще есть в таком же роде?

– Могу предложить вот это платье.

Оно оказалось темно-бордовым, а я этот цвет просто ненавижу.

– К сожалению, ничего больше на вас нет.

Она не сказала ни одного дурного слова, но мне показа-

лось, что это прозвучало как: «На такую толстую корову приличных вещей не шьют».

К черту. Не больно-то и хотелось! Больше я эту пытку терпеть не намерена! Пойду в театр в своем сером костюме. Он вполне приличный, и мне в нем уютно. Ну их, эти шикарные ботики. Не для меня они!

Я выбежала на улицу. К черту, к черту, к черту!

Бабушка там одна, ей плохо, а я тут шмотки дурацкие меряю!

И я бегом припустилась обратно на улицу Вахтангова. Дверь мне открыла незнакомая старуха:

– Вы Саша?

– Да! А что с бабушкой?

– Она уснула! Давайте знакомиться, я подруга Маруси.

– Кого? – не поняла я.

– Я всю жизнь зову ее Марусей, – улыбнулась старуха. – А я хозяйка этой квартиры, меня зовут Инна Кирилловна, очень рада познакомиться, много о вас слышала.

– Бабушке плохо?

– Ничего, она приняла лекарство, чем-то побрызгала себе в рот, и ей стало легче. Астма – такая ужасная штука... Она говорит, что в своей пустыне просто забывает о ней. Ей вреден другой климат. А я смотрю, вы что-то без покупок? Маруся сказала, вы пошли по магазинам.

– Ничего не нашла. И потом, мне как-то тревожно стало...

Мы разговаривали шепотом.

– Саша, пойдёмте на кухню.

– Может, я просто домой поеду...

– Нет-нет, Маруся мне этого не простит. Пусть она отдыхает, а мы с вами покалякаем за чашечкой кофе. Почему же вы ничего не купили? Я-то надеялась, вы будете нам с Марусей обновки демонстрировать. Боже, Саша, в прихожей не очень светло, я и не разглядела вас, до чего ж вы похожи на молодую Марусю, просто одно лицо. И волосы... Я всю жизнь ее волосам завидовала! Вы ведь не завиваетесь, нет?

– Нет, что вы, я всегда хотела иметь прямые волосы.

– А я, наоборот, вьющиеся. Человек никогда не бывает доволен тем, что имеет. Только вот глаза у вас красивее, чем у Маруси. Больше гораздо. Вы мисс Глазастик! Слыхали про такую?

– Конечно! Мой папа всегда звал меня мисс Глазастик. Это ведь из какого-то американского романа, верно?

– «Убить пересмешника», так он назывался. Тогда его вся страна читала. А потом был еще фильм с Грегори Пеком. Ах, какой потрясающий мужчина! Вообще, раньше в кино были потрясающие мужчины. Грегори Пек, Кэри Грант, Гэри Купер, Марлон Брандо, Жан Маре! А теперь... Вот, например, вам кто нравится из киномужчин?

– Джордж Клуни, наверное. Очень красивый.

– Ну нет, он красавчик, и все. Ничего потрясающего в нем нет. И актер в общем-то никакой.

– А еще мне Хью Грант нравится.

– Голубоглазеньких любите? – улыбнулась старая женщина.

– Не в этом дело, он актер прекрасный...

– Ох, а мне Маруся говорила, что ваш муж тоже актер, и очень красивый, да?

– Да, – с гордостью ответила я. – Очень. Вот скоро начнут показывать один сериал, у него там главная роль!

– И наутро он проснется знаменитым?

– Надеюсь.

Она ласково улыбнулась:

– Вы очень любите мужа, да?

– Очень, – призналась я.

– Это прекрасно! А у вас случайно нет с собой его фотографии?

– Нет, к сожалению.

– А когда начнут показывать сериал?

– Кажется, в начале мая.

– Саша, пожалуйста, позвоните мне накануне, не хотелось бы пропустить. А кого же он там играет?

– Сыщика.

– Очередного мента? – разочарованно протянула Инна Кирилловна.

– Нет, бывшего мента, а ныне частного сыщика. Там очень приличный сценарий был, а уж как получится...

– Ну главное в таких фильмах – актер. Если он прозвучит, то успех обеспечен.

– А вы, я вижу, любите кино.

– Обожаю! Всю жизнь обожала, и на старости лет тоже.

Помню, каким событием бывал кинофестиваль в Москве! Моя подруга была членом Союза писателей и доставала мне абонементы в Дом литераторов.

Правда, там из пяти фильмов только один можно было досмотреть до конца, но все равно это был праздник. Помню, с какими трудами я выменивала билеты, чтобы посмотреть в Лужниках «Аферу» с Редфордом и Ньюменом. Кто же мог знать, что жизнь так переменится и эту «Аферу» будут то и дело гонять по телевизору... Вот еще Пол Ньюмен, какой был мужчина!

– Ну конечно, Инночка опять о мужчинах! – раздался вдруг голос бабушки.

Я вскочила:

– Бабушка, как ты?

Она была бледная, губы синие. Я испугалась:

– Бабушка, тебе не стоило вставать.

– Ничего, ничего, мне уже лучше. Боюсь только, в театр я не смогу пойти.

– Ничего страшного, лучше полежи сегодня, а завтра... Инна Кирилловна, завтра бабушка обещала прийти к нам, может, и вы с нею придете? – предложила я от чистого сердца.

– Нет-нет, это ни к чему. Это ваше семейное дело. Как-нибудь в другой раз. А в театр тебе и вправду лучше не хо-

дить, Маруся. Твой вид мне не нравится.

– Саша, детка, а ты купила что-нибудь?

– Бабушка, прошу тебя, ляг!

– В самом деле, Маруся, ляг, а мы с Сашей тебе что-нибудь вкусненькое сготовим.

– Я ничего не хочу, а вот прилечь прилягу, голова что-то кружится.

Я помогла бабушке лечь, укрыла ее пледом.

– Так что ты купила, Саша?

– Ничего, бабушка.

– Но почему?

Я рассказала о своих попытках в Смоленском пассаже.

– Слушайте, это бред! – воскликнула Инна Кирилловна. – Тратить сумасшедшие деньги на барахло, которое на самом деле покупается в Турции на базаре, а продается здесь под маркой Диора!

– Инна, ну откуда ты можешь это знать? – подняла брови бабушка.

– Уж я-то могу! А вам, Саша, я посоветую обзавестись лучше хорошей портнихой! И даже могу порекомендовать одну женщину, она потрясающе шьет! Каждое платье – шедевр! Я вот вам сейчас покажу одно ее платье!

И Инна Кирилловна вышла из комнаты.

– Сашенька, это ужас! – прошептала бабушка. – Приготовься увидеть нечто кошмарное. Только не показывай виду, ради всего святого, восхищайся!

Инна Кирилловна вернулась, неся на плечиках платье из черного шелка с вышитым на плече ярко-красным букетом. Такие же цветы, только помельче, были вышиты по подолу. И каждый цветок в середине был еще украшен бисериной.

– Ну как, Саша, нравится?

– Просто восторг! – с чувством проговорила я.

– Это было сшито на мое семидесятипятое! Как видите, тут еще и дивная вышивка, и потом, по крайней мере есть гарантия, что ты не встретишь женщину в таком же туалете, а это очень важно! Вам правда нравится?

– Очень! Но это ведь нельзя надеть несколько раз, платье такое броское, – робко заметила я.

– Ну вышивка может быть и поскромнее.

– А без вышивки она не шьет?

– Нет! Это ее индивидуальный стиль! Дочери одной моей подруги она вышила на платье павлина, это было ослепительно!

– Инночка, Саше павлин не пойдет, – с улыбкой проговорила бабушка. – Он ее просто убьет, это только для жгучей брюнетки.

– Да я знаю, ты всегда мой вкус не одобряла, – махнула рукой Инна Кирилловна. – Ну не хотите, как хотите! Маруся, ты в театр точно не пойдешь?

– Боюсь, что нет.

– Тогда, может быть, я могу пойти? Саша, это удобно?

– Да, конечно, это удобно! – обрадовалась я. – Там два

билета, вам есть с кем пойти?

– Ну разумеется. Я приглашу Сергея Ипатьевича, он такой театрал...

– Вот и хорошо, а я лучше побуду с бабушкой.

– Саша, если вы останетесь с Марусей, я схожу в парикмахерскую, надо же привести себя в приличный вид.

– Да-да, Инночка, непременно сходи к парикмахеру! – посоветовала подруге бабушка. – А вечером все мне расскажешь и не забудь купить программку.

Инна Кирилловна первым делом позвонила Сергею Ипатьевичу, договорилась о встрече и быстро ушла.

– Какая она энергичная, Инночка, – покачала головой бабушка. – Я у себя в Араде тоже еще ого-го, а тут расклеилась. Может, к завтрашнему вечеру и очухаюсь. Очень мне хочется побывать у тебя дома, познакомиться с твоим мужем... Саша, мне нелегко говорить сейчас, лучше помолчать, а ты Расскажи мне что-нибудь, хорошо?

– Я не знаю, что рассказывать, – растерялась я.

– Ну, к примеру, Расскажи, как ты с Глебом познакомилась.

– С Глебом? В ГИТИСе мы познакомились. Он был уже на третьем курсе, а я на первом... За ним все девчонки ГИТИСа бегали. Мне моя подружка все уши прожужжала – Ордынцев то, Ордынцев се, а один раз я опаздывала на занятия и уже перед самым входом поскользнулась и шлепнулась в лужу, а он помог мне подняться. Я как на него глянула, так и

обомлела. Но, видно, я ему тоже понравилась, и он мне сразу свидание назначил.

Я вдруг отчетливо вспомнила, как у меня колотилось сердце, когда я в тот же день сломя голову неслась к метро «ВДНХ», где мы должны были встретиться. И конечно, при-мчалась раньше времени.

Глеба еще не было, я спряталась за какой-то палаткой. В те годы их было еще совсем немного. Он появился с опозданием минуты на три и, убедившись, что меня еще нет, вздохнул с явным облегчением. Я выждала минутку и на подгибающихся ногах направилась к нему. Он так просиял, что все мои страхи улетучились сразу. Мы гуляли с ним часа два по аллеям Ботанического сада, была поздняя осень, но день выдался теплый и безветренный. Мы говорили не умолкая, оба словно торопились выложить друг другу все о себе. Я как сейчас помню запах прелых листьев и ощущение счастья, вернее, радости жизни. В Ботаническом саду в эти часы было совсем безлюдно и почти темно, но мы даже не сделали попытки поцеловаться, мы просто как два дурака бродили по аллеям, держась за руки и непрерывно чему-то смеялись. Потом наскребли денег на жареные пирожки с повидлом, запили их газировкой из автомата – и Глеб поехал провожать меня на другой конец города, я тогда жила с родителями на Ломоносовском проспекте. И мы долго еще стояли в подъезде, пока нас не застал там папа, который возвращался с какого-то собрания. Он был чуть-чуть навеселе и тут же

пригласил Глеба к нам, не желая слушать никаких возражений. А мама накормила нас ужином, удивленно поглядывая на меня. Когда Глеб наконец ушел, шепотом назначив мне свидание на завтра, мама сказала:

– Ах, Сашка, ты с ним еще наплачешься. Но я тебя понимаю, он очень хорош, а годам к тридцати будет вообще неотразим.

А папа сказал:

– С таким парнем нельзя быть никем, – и, заметив мой непонимающий взгляд, добавил:

– Если хочешь быть с ним долго, ты должна состояться как личность.

Может, я что-то путаю и папа сказал это в другой раз, даже наверное, скорее всего, тогда я шумно вмешалась вмешательством родителей в мои личные дела, фыркала как дура: мол, подумай, большое дело, погуляла вечером с третьекурсником! Но я поняла, что Глеб родителям понравился, а на другой день выяснилось, что и он в восторге от них.

И почему я вдруг сейчас вспомнила ту папину фразу? Я с тех пор никогда ее не вспоминала, а сейчас она отчетливо всплыла в памяти. «Ты должна состояться как личность!» А разве я состоялась? Кто я? Жена, и только. Но разве этого мало? И потом, наверное, папа имел в виду не профессию, а что-то другое? Или я ошибаюсь? Впрочем, мало ли что говорят взрослые влюбленной девчонке. Вот мамины слова о том, что я намучаюсь с Глебом, разве они сбылись? Она ведь

имела в виду, что такой красивый парень будет у женщин нарасхват, что он станет изменять мне направо и налево. Но насколько я знаю, это не так. И Глеб совсем не бабник, несмотря на то что женщины, конечно, заглядываются на него, более того, мрут как мухи. И я совершенно точно знаю, что он меня любит, что у него нет от меня секретов. Конечно, я допускаю, где-нибудь на гастролях под шумок, как говорится, он с кем-нибудь и переспал, но я ведь об этом ничего не знаю и никакие «доброжелательницы» никогда ничего мне не доносили. А когда погибли мои родители и я полгода не помню как жила, что только Глеб не делал, чтобы смягчить мою боль, а когда я потеряла ребенка, он страдал не меньше меня, сознавая свою косвенную вину. Нет, я никогда не мучилась с ним.

Просто время было уж очень нелегкое, многим пришлось пожертвовать, но я вовсе не считаю это жертвой. Надо было как-то выживать, вот мы и выживали, а кому больше досталось, это неважно. И потом, женщины выносливее мужчин.

– О чем ты задумалась, детка? – тихо спросила бабушка.

– Да так, вспомнила молодость.

– Саша, о чем ты говоришь! Чтобы я больше никогда этой глупости не слышала.

Потом вернулась из парикмахерской Инна Кирилловна, мы втроем пообедали, и бабушка почувствовала себя лучше. А в начале шестого явился Сергей Ипатьевич, удивительно симпатичный старичок, по-видимому, давний поклонник

Инны Кирилловны.

Он пришел с букетиком нарциссов, расцеловал всем нам ручки, а потом вдруг посмотрел на бабушку и сказал:

– Марусенька, давай-ка уединимся минут на десять.

– Это еще зачем? – поморщилась бабушка.

– Маруся, не капризничай! – не терпящим возражения тоном заявила Инна Кирилловна.

Я ничего не понимала.

– Саша, давайте выйдем! – приказала она мне.

Пришлось подчиниться.

– Что это значит? – испуганно спросила я.

– Сережа – великолепный врач, он по сей день работает, хотя ему скоро восемьдесят.

– Вы хотите сказать, что...

– По-видимому, ему не понравился Марусин вид.

У меня упало сердце.

– Мне показалось, что бабушке стало лучше.

– Ей вообще не следовало сюда приезжать, ей этот климат противопоказан.

У меня возникло ощущение, что она во всем винит меня.

– Нет, Саша, вы тут ни при чем, вы же ничего вообще не знали, но она ведь могла попросить, допустим, меня, поговорить с вами, все объяснить, а вы бы поехали к ней. Не так уж плохо было бы проехать в Израиль. Но ей надо было самой! Ей вообще всю жизнь больше всех было надо, вот и Венька был такой же, допрыгался до высылки, дочери ли-

шился...

Наконец Сергей Ипатьевич вышел с довольно суровым видом и пригласил нас в комнату:

– Вот что, милые дамы, вынужден вас всех огорчить. Марусе надо немедленно возвращаться к себе. Она просто не может тут оставаться. Это уже не шутки. А ведь предстоит еще перелет и вся эта нервотрепка в аэропортах и переезд до Арада. Это потребует много сил, которых у Маруси сейчас нет. А посему, Саша, придется вам взять на себя хлопоты по обмену билета и всему прочему. Хорошо бы отправить вашу бабушку завтра.

– Завтра суббота, – напомнила бабушка, – не выйдет. Если только завтра ночью...

– Отлично. А до тех пор тебе придется быть дома, никуда не выходить и вести себя более чем осторожно, Марусенька. А Саша потом к тебе приедет.

– Сережа, ты не преувеличиваешь? – робко осведомилась бабушка.

– Маруся! – поморщился старый доктор.

– Ну что ж, раз ты настаиваешь... Саша, тебя не очень затруднит эта история с билетом?

– Господи, бабушка, о чем ты говоришь! Я сделаю все, что возможно. – Мне хотелось плакать.

Вскоре Инна Кирилловна с Сергеем Ипатьевичем ушли в театр, а я осталась в полной растерянности.

– Бабушка, может, я прямо сейчас поеду насчет билета?

– Нет, деточка, не стоит. В конце концов, улечу я завтра ночью или послезавтра днем, не столь уж важно, поверь мне. А сейчас мне не хотелось бы тебя отпускать. Посиди со мной.

– Бабушка, тебе плохо?

– Нет, сейчас уже нет, мне хорошо, я вот гляжу на тебя и чувствую себя счастливой.

– Бабушка, тебе, наверное, вредно много разговаривать.

– Сашенька, в моем возрасте даже просто жить вредно, – ласково улыбнулась она. – Сейчас мне нормально дышится, и слава богу. Но, похоже, придется и вправду уехать раньше, как ни жалко. Я бы с удовольствием плюнула на врачебные советы, но у меня в Араде есть действительно важные дела, которые нельзя бесконечно откладывать.

– Дела? – удивилась я. – Какие дела?

– Я должна составить завещание. Израиль довольно бюрократическое государство, и это будет не так уж просто. Ты ведь не прямая наследница по документам, к тому же гражданка другой страны. Но все это преодолимо. У меня есть молодой друг, Миша Цейтлин, он юрист, он мне поможет.

– Бабушка, ну зачем, – смутилась я.

– Ах, Сашенька, раньше я тоже думала, что все это не так важно, ведь что мы раньше могли оставить своим наследникам? Комнату в коммуналке или в лучшем случае квартиру в хрущобе? Но ведь и такая малость много значила в жизни. А у меня есть какие-никакие деньги и превосходная большая квартира, которая тоже немало стоит. И всем этим надо рас-

порядиться. А сейчас, Саша, я хочу кое-что тебе отдать. А то, боюсь, начнется суета с внезапным отъездом, и еще сейчас мы вдвоем... Будь добра, открой шкаф, там на верхней полке лежит моя сумочка. Дай ее мне. Вот спасибо. – Бабушка вытащила из сумочки конверт с надписями на иврите и протянула мне. – Я хотела отдать это тебе в аэропорту, так было задумано, но мало ли что я задумала... Так вот, в этом конверте, Сашенька, кредитная карточка на довольно существенную сумму.

– Бабушка!

– Саша, тебе ведь очень нужны деньги, а я могу помочь. Не станешь же ты отказываться!

– Но мне правда неудобно...

– Глупости какие. Я уж говорила, что это безумно приятно – чувствовать себя доброй феей. Ты пойдешь в банк, и тебя там научат обращаться с этой карточкой, ничего сложного тут нет, она на твое имя, так что все будет просто. А вот тут две тысячи долларов наличными. Мне они здесь уже не понадобятся, по-видимому.

– Нет, бабушка, я не могу! Я не хочу! Вам самой они пригодятся. И вообще...

– Не смей говорить мне «вы» и не смей отказываться, слышишь? Поверь, я отдаю тебе вовсе не последнюю копейку, я отдаю то, что заработал для тебя твой отец, вернее, небольшую часть пока. А после моей смерти ты получишь все. Так хотел Веня, и так хочу я! Не скажу, что это большое состоя-

ние, он же был талантливым ученым, а не воротилой бизнес-а. Но все же... И вот еще...

Она вдруг стянула с пальцев два кольца:

– Возьми эти кольца!

– Ни за что! – твердо ответила я. – Кольца я не возьму ни за что! Они твои, бабушка, они только твои!

– Саша, не глупи!

– Бабушка!

– Ну хорошо, вот это колечко я оставлю себе, его подарил мне Веня. Он купил его на свой первый гонорар за какую-то работу, изданную в Англии. А вот это я сама купила в Париже, видишь, оно очень необычное, и я хочу, чтобы его носила ты. Это не бог весть какая ценность, но я таких колец больше ни у кого не видела. Надень его!

Я давно уже обратила внимание на это кольцо, но спрашивать не решалась, именно боясь, что бабушка вздумает мне его подарить. И вот теперь... Я надела его на палец и залюбовалась. Кольцо было золотое с большим, прозрачным, как вода, плоским камнем, в котором катался еще какой-то камешек.

– Это я купила у Картье. Горный хрусталь, а нем живет маленький золотой топаз. Именно живет, ведь он постоянно движется.

– Прелесть, просто чудо!

– Будешь носить?

– У меня нет слов.

– Ну и не надо никаких слов. А кстати, Саша, тебе не нужно сегодня в театр, твой муж не удивится, что ты не пришла?

– Я поеду к концу спектакля. А он кончится около одиннадцати.

– Как жаль, что я не познакомилась с Глебом.

Впрочем, я сразу по приезде вышлю вам приглашение. Приедете, когда сможете. Я думаю, он не откажется?

– Ну что ты, конечно нет.

– Вот и чудесно, а сейчас я, пожалуй, посплю полчаса. Ты не уйдешь?

– Бабушка!

– Включи телевизор, чтобы тебе не было скучно, мне это не мешает.

Она почти мгновенно уснула. А я сидела как пыльным мешком прихлопнутая. Две тысячи долларов и еще кредитка с какой-то внушительной суммой! И все это буквально свалилось с неба. Я это ничем не заслужила. Мне было даже немного страшно. Не может же светлая полоса жизни начинаться так богато... Это не правильно. Но ведь давно известно – пришла беда, отворяй ворота. Почему же с радостью не может быть того же? И я опять вспомнила белую кошку. Но с другой стороны, мне было грустно. Бабушка, которую я почти сразу ощутила родной, тяжело больна, и мне грустно оттого, что к нашим отношениям примешались деньги. Я и сама не понимала своих чувств. Я, конечно, радовалась деньгам, слишком я намучилась от их отсутствия, а с другой

стороны... И тут я вспомнила поговорку – разом пусто, разом густо. И почему-то вдруг успокоилась. Пусто было больше десяти лет, ну и хватит.

Теперь будет густо, слава богу! У меня есть бабушка, и я не хочу ее терять, а значит, надо поскорее отправить ее домой, в Арад, где ей легко дышится. А для этого надо действовать.

Когда бабушка проснулась, я покормила ее, проследила, чтобы она приняла лекарства, взяла у нее билет и паспорт, простилась с нею – при этом мы обе слегка всплакнули – и помчалась в театр. И чуть с ума не сошла от огорчения – вместо «Сирано» сегодня давали «Горе от ума», и Глеб играл Чацкого. Я ведь никогда его в этой роли не видела. А он, наверное, меня искал... Знакомая капельдинерша впустила меня в зал. Как раз в этот момент Хлестова произнесла: «Княгиня, карточный должок!» Слава богу, я хотя бы увижу финальные сцены. От волнения у меня перехватило горло и я ничего не понимала. Но вот из темноты вышел Глеб...

Что это? Слышал ли моими я ушами!

Не смех, а явно злость. Какими чудесами

Через какое колдовство

Нелепость обо мне все в голос повторяют!

И для иных как словно торжество,

Другие будто сострадают...

Уже при первых фразах я поняла, что Глеб действительно потрясающе играет Чацкого! Недаром он с юности мечтал об этой роли, а потом, сыграв Репетилова, уже не мечтал даже, отчаялся... Меня переполняли гордость и счастье. Сейчас уже мало кто из актеров умеет так дивно читать стихи, иной раз даже знаменитые, всеми признанные корифеи безбожно уродуют стихотворный текст... Да что далеко ходить, играющий Молчалина Мухин сразу сбивает ритм, да и у Софьи не очень получается, зато Лиза хороша.

Но все это я фиксирую краешком сознания и с трепетом жду фразы: «Он здесь, притворщица!» Она частенько звучит удивительно фальшиво и выпренне.

Но Глеб произносит ее так, что у меня мурашки бегут по спине. Мне делается по-настоящему страшно. А вдруг Чацкий в этот раз убьет себя? Или Софью?

«Не знаю, как в себе я бешенство умерил!» Боже, как он это произнес! Я стояла у дверей затаив дыхание. Я знаю «Горе от ума» наизусть и со страхом жду каждой следующей фразы, которая может таить в себе опасность.

«Молчалины блаженствуют на свете!» Отлично?

Браво, Глеб!

Но вот выходит Фамусов. Его играет Онищенко, блестящий старый актер. Он и сегодня очень хорош, и, пожалуй, даже лучше обычного, – наверное, его вдохновляет такой партнер, как Глеб!

Но вот начинается последний монолог Чацкого, «Не об-

разумлюсь... виноват» – и я от страха покрываюсь холодным потом: сколько тут бывает ложного пафоса, дешевой театральщины, которой так грешил Юльский, хотя всю роль держал в общем-то вполне пристойно, но на последнем монологе давал себе волю, и его несло. Но Глеб... Каждая фраза полна такой настоящей боли, такого выстраданного, нетеатрального презрения... Но вот и знаменитое: «Карету мне, карету!»

Он не выкрикивает это, не заматывается картинно в свою крылатку, нет, этот человек обессилел, и ему просто нужно поскорее убраться отсюда.

Еще несколько слов Фамусова, и занавес закроеется. Я от волнения так сжала кулаки, что чуть не вскрикнула, новые красивые ногти больно впились в ладони.

Ах! Боже мой! Что станет говорить
Княгиня Марья Алексевна!

И тут в зале начинается нечто невообразимое. То, что принято называть «шквал аплодисментов». И еще какой-то истошный женский визг. Артисты выходят на поклоны. Я вижу, что Глеб пока не отошел от роли, он еще не Ордынцев, он еще Чацкий, но постепенно сознание возвращается к нему – и он сияет. Надо скорее мчаться за кулисы. По дороге меня перехватывает Лидия Борисовна, завлит театра.

– Саша, поздравляю, это великолепно!

– Лидия Борисовна, почему так внезапно?

– Юльский, узнав про премию, запил, а главный решил, что это самый подходящий момент выпустить Глеба в роли Чацкого. Думаю, теперь Юлик его больше играть не будет. Эх, раньше бы это сообразить, а то все искания, пусть Ордынцев с его данными Репетилова играет, так интереснее... Да я за свои шестьдесят лет такого Чацкого и не видела никогда.

Поздравляю! – все это она произносит на ходу, крепко держа меня под руку. – Только, смотрите Саша, чтобы Глеба сейчас не сожрали!

Я слушаю ее вполуха, я рвусь вперед, но она слегка прихрамывает и не может идти так быстро, как мне хочется, а сбросить с себя ее руку я не могу. Мне неудобно. Но наконец кто-то отвлекает ее, и я сломя голову несусь вперед.

В зале еще продолжают аплодисменты. Вокруг много знакомых лиц, кто-то обнимает меня, кто-то целует, кто-то насмешливо на меня взирает. Но мне все это неважно. Я жду мужа, у которого сегодня день триумфа, и тут я вижу свою свекровь. У нее лицо все в красных пятнах.

– Саша! – бросается она ко мне и заключает в объятия. – Саша, он гений! – шепчет она мне на ухо. – А я тебя искала, мне Глеб сказал, что ты будешь в театре с какой-то знакомой. Где ты сидела?

Но тут появляется Глеб с большим букетом роз:

– Сашка! Сашка! Я это сделал!

Он победно вскидывает руку и сует букет мне.

– Мама! Ты здесь!

Набегают какие-то люди, оттесняют его от нас.

– Я так смертельно волновалась, когда Глеб мне позвонил, – шепчет свекровь. – А ты знала, что будет замена?

– Понятия не имела. Я же сегодня... была еще на работе, передавала дела...

Слава богу, хоть с этой бухгалтерской историей теперь покончено, пусть это была ложь во спасение, но все равно противно.

– Саша, я на днях говорила тебе, что скоро все переменится, разве я была не права? Этот день настал!

– Нет, Светлана Георгиевна, настоящая известность в наше время начинается после премьеры сериала, а это... Но уже сегодня утром меня остановила какая-то девица, которая сказала, что «фанатеет от Ордынцева».

Про чувырлу я умолчала.

– Правда? Наконец-то!

В этот момент словно ветерок какой-то пронесся, все зашептались, и я увидела очень пожилого человека, по виду явно иностранца, который с легкой улыбкой направлялся к Глебу, сопровождаемый главным режиссером. Я только успела заметить, как вспыхнул Глеб.

– Это сам Лю Говард! – шепнул кто-то.

Лю Говард! С ума сойти!

– Саша, кто этот старик? – немного испуганно спросила

свекровь.

– Знаменитый английский режиссер.

– О боже, ты услышал мои молитвы! Кинорежиссер?

– Нет, театральный, но все равно...

Я видела, как господин Говард что-то горячо говорил Глебу и долго жал ему руку, а главный, стоя рядом, довольно ухмылялся. Вдруг кто-то дернул меня за рукав.

– Извините, девушка, – прошептала долговязая девица с висящим на плоской груди фотоаппаратом. – Где тут жена Ордынцева?

– Это я.

– Поздравляю! Как вы относитесь к успеху вашего мужа?

– Саша, ни слова! – громко произнесла свекровь. – Я мать Глеба Евгеньевича, и без его ведома никаких интервью ни я, ни его жена не даем.

Батюшки светы, такое впечатление, что эту фразу Светлана Георгиевна давно отрепетировала. А я вот растерялась и готова была искренне ответить, что безумно рада успеху мужа. Девица, однако, не смутилась. Она протиснулась сквозь собравшихся к главному режиссеру и что-то принялась ему толковать. Тот рассеянно кивнул. Она исчезла.

– Саша, ты понимаешь теперь, какая на нас лежит ответственность?

– Вы о чем, Светлана Георгиевна?

– Одно неверное слово – и может начаться просто вакханалия в прессе. Это недопустимо!

– Светлана Георгиевна, о чем вы, какая вакханалия? Из-за Чацкого?

– Разумеется, нет. Но из-за Ордынцева – да! – произнесла она с гордостью.

Тут к нам подошел взволнованный сверх меры Глеб:

– Саша, мама, нас всех приглашают поехать в ночной клуб с мистером Говардом. Он хочет о чем-то поговорить со мной...

– В ночной клуб? Но мы не так одеты... – смутилась свекровь.

– Не имеет значения, – поморщился Глеб. – Впрочем, если ты не хочешь, мама...

– Я поеду!

– Вот, и хорошо, – не бог весть как восторженно отозвался Глеб. Но он был слишком счастлив, чтобы огорчаться.

Зато я очень огорчилась. Опять мне не удастся спокойно поговорить с ним, рассказать ему о бабушке.

Ночной клуб был шикарным, но, к счастью, полутемным и не слишком шумным. Играл камерный оркестр, и очень вкусно кормили. За столом нас было пятеро. Главный режиссер был почему-то без жены.

Господин Говард поужинал с отменным аппетитом, а потом принялся что-то оживленно обсуждать с Глебом и главным режиссером. Оказалось, что он русский по матери и вполне прилично говорит по-русски. А я, поев, вдруг ощу-

тила такую усталость, что у меня не было сил даже вслушаться в то, о чем они говорили. Мне просто было хорошо. Я с удовольствием слушала музыку, держа в руках бокал с прекрасным белым вином. Зато Светлана Георгиевна никак не могла успокоиться. А разговор, по-видимому, расслышать была не в состоянии. И решила обратить внимание на меня:

– Саша, я только сейчас увидела твои ногти! Замечательно, но ты что же, нарастила их?

– Ну да.

– Ты что, с ума сошла?

– Почему? – опешила я.

– Это же безумно дорого! Глеб еще не начал зарабатывать, все еще только предстоит, а ты уже транжиришь его деньги.

– Ну, положим, это мои деньги, – проговорила я.

– Все равно! Это безумие!

– Но вы же сами требовали, чтобы я привела руки в порядок, вот я и выполнила ваше требование.

– Но не такой же ценой! Я узнавала, это стоит чуть ли не сто долларов, а коррекция пятьдесят, и это следует делать регулярно!

– Надо же, вы специально выясняли...

Мне было так противно, что я не стала ничего говорить ей про бабушку. Но, представив себе, что она долго еще будет меня пилить, я сочла за благо успокоить свекровушку:

– Да не беспокойтесь вы, ничего я не наращивала, просто купила за копейки накладные ногти и приклеила, только и

всего.

– Но ты же сказала, что наращивала...

– Ну я думала, накладные ногти тоже так можно назвать...

– А что это за кольцо? Я никогда его не видела.

– Это кольцо моей бабушки, – ответила я чистую правду.

– Но ты раньше его не носила!

– Естественно. Руки-то у меня какие были...

– А что это за камень?

– Горный хрусталь.

Кажется, она успокоилась. Горный хрусталь не бог весть какая ценность.

Деловой разговор между мужчинами, по-видимому, подошел к концу, потому что Глеб поднял бокал и, глядя на меня, произнес:

– А сейчас я хочу предложить тост за мою жену, за мою Сашеньку, благодаря которой я смог дожить до такого счастливого дня! У нас было много трудного, но она всегда в меня верила, даже тогда, когда я сам уже терял веру... Ну и вот! Санька, за тебя!

Господин Говард улыбнулся и тоже чокнулся со мной. И главный режиссер, который раньше даже никогда не узнавал меня, благосклонно кивнул мне и пригубил вино. По-видимому, он был очень доволен. Словом, довольны были все, кроме Светланы Георгиевны. Но господин Говард, очевидно, это понял и, немного выждав, произнес тост за мать, родившую такого прекрасного артиста. Теперь уж все были в пол-

ном благорастворении.

Домой мы возвращались в пятом часу утра.

– Сашка, он предложил мне сыграть Освальда в «Привидениях»! В Лондоне! Ты можешь себе представить?

– По-английски? – испугалась я.

– Да! И для этого я буду заниматься с каким-то потрясающим преподавателем!

– В Лондоне?

– Нет, конечно, в Москве! Я справлюсь, Сашенька, я уверен!

– Конечно, справишься, Глеб, просто не имеешь права не справиться!

– Буду работать как вол, но своего не упущу, я слишком долго ждал! У нас есть Ибсен?

– Конечно, что за вопрос!

– Надо перечитать, но я знаю, это моя роль... Скажи, только честно, тебе понравился Чацкий? Сашка, абсолютно откровенно, ты же знаешь, как мне важно твое мнение...

– Глеб, по-моему, это было прекрасно...

– А у меня такое ощущение, что первые сцены я провалил.

От волнения, конечно, я сам себя не помнил, и вдруг на словах: «А тетушка? все девушкой? Минервой?» – вдруг ощутил какой-то... спокойный восторг, что ли. И дальше уже играл сознательно, понимаешь? Ты заметила?

– Глеб, я опоздала.

– Как? – ахнул он. – Как – опоздала?

– Я ведь не знала о замене, Глеб, пойми, я узнала, только когда подошла к театру...

– А где же ты была? – нахмурился Глеб. – Я звонил тебе на работу, какая-то женщина сказала, что ты там уже не работаешь...

– Естественно, я же... Глеб, я должна тебе признаться...

– В чем? У тебя кто-то есть? Да? Ну конечно, я теперь понимаю, этот маникюр, это кольцо...

– Глеб, замолчи! И дай, наконец, мне сказать! Я уже несколько дней пытаюсь поговорить с тобой! У меня в жизни случилось кое-что очень важное... Я, конечно, подождала бы до завтра, но уже не могу! Боюсь, у тебя теперь для меня минуты не будет.

– Ты от меня уходишь?

– Господи, Глеб, что за бред? Никуда я не уйду! Ты можешь не метаться по комнате?

– А ты можешь прямо сказать, в чем дело?

– Могу, черт бы тебя взял! Глеб, у меня появилась бабушка!

– Что это значит? Откуда она появилась? Твои бабушки давно на том свете! Что ты мне лапшу на уши вешаешь с какой-то мифической бабушкой? Ответ лучше, где ты так задержалась, что опоздала на спектакль, а главное – с кем ты задержалась?

– Ты ревнуешь, да?

– Да! Представь себе!

– Ну и дурак!

– Похоже, я действительно дурак! Из тех мужей, которые все узнают последними.

– Но ты просто не хочешь ничего знать. Ну и ладно. Я иду спать!

– Нет, ты не идешь спать! Говори, с кем ты спуталась?

Ну надо же, неужели он действительно ревнует?

Давненько этого не было. В юности он часто меня ревновал, но в последние годы... Однако это даже приятно...

– Ну что ты молчишь? Это какой-нибудь крутой мэн с твоей работы?

– Глебка, ты дурак! У меня действительно обнаружилась родная бабушка... Я просто не знала, что мой папа не мой папа...

– Что это значит? – обалдело уставился на меня Глеб.

Я рассказала ему все, что узнала от бабушки.

– Ну и ну! Просто как в плохом кино... Но почему ты мне сразу не сказала? Значит, сегодня ты была не на работе? Зачем же ты врала?

– Глеб, дело в том, что я... Я врала тебе несколько лет, только не ори и дай мне сказать. Никаким бухгалтером я не работала...

– Что?

– Я работала прислугой, домработницей...

Он побелел.

– То есть как?

– А вот так. И не вижу в этом ничего плохого.

– Значит, ты не была бухгалтером?

– Нет. Говорю же – я была домработницей.

– Сашка, какой ужас! – схватился он за голову.

– Ну почему? Никакого ужаса! Но зато мы это время все-таки немного легче жили, согласишься?

– Но как? Сколько же платят домработницам?

– Мне платили четыреста пятьдесят баксов.

– Ну ничего себе! Актерам в театре такая зарплата и не снится! И никаких дополнительных услуг?

– Что ты хочешь сказать?

– Ты спала с хозяином?

– Глеб, побойся Бога! Я работала у абсолютно порядочных людей. У немолодой супружеской четы.

– Порядочные люди в наше время так не зарабатывают!

– Ошибаешься, бывает!

– Я не вчера родился!

– Именно вчера! Вчера у тебя было второе рождение, – решила я перевести разговор. – У нас начинается новая жизнь, и, если хочешь знать, вчера утром под нашей дверью уже болталась твоя фанатка. В красной куртке и розовых колготках. А что касается Чацкого, я видела финал, и, на мой взгляд, это было просто здорово! Знаешь, как я тряслась? Но когда увидела, как ты делаешь финал, просто ошалела!

– Правда? Меня всегда ужасно раздражало, как Юльский кричал истошно: «Карету мне, карету!»

– Но ты и Репетилова блестяще играл! И вообще, ты многое можешь играть, а сейчас ты...

– погоди, не заговаривай мне зубы... То, что ты рассказала про своего настоящего отца, про бабушку, это все правда?

– Чистейшая правда. Но кроме того, Глеб, бабушка подарила мне вот это кольцо и...

– А откуда эти ногти?

– Тебе не нравится?

– Нет, почему, красиво.

– Можешь себе представить, это тоже бабушка придумала. Боже мой, Глеб, о чем мы говорим? Бабушка больна, ей надо как можно скорее уехать, а ты с ней даже не познакомился... Послушай, у тебя завтра не найдется хоть четверть часика, а? Она живет на Арбате, возле театра Вахтангова.

– Надо подумать. Я и сам хочу убедиться, что эта бабушка не миф!

– Глеб!

– Ладно, молчу, молчу... Везучая ты, Сашка! Вон у тебя целых два отца, а у меня и одного-то, считай, не было...

– Но я же второго в глаза не видела.

– Неважно, все равно он о тебе думал, даже деньги какие-то оставил...

– Ты мне завидуешь?

– Что я, дурак? Это я так, к слову... А деньги нам даже очень пригодятся. Хотя нет, эти деньги мы тратить не будем.

– Это еще почему?

– Потому что хватит тебе нас содержать. Боже, я как подумаю, что ты... что ты горбатилась на чужих людей... Сашка, ты простишь меня? Я без тебя не могу, ты же знаешь... И пусть эти деньги лежат, а я сам теперь заработаю на все, что нам нужно. Я знаю, я чувствую, теперь все будет по-другому. И главный теперь уж не посмеет говорить, что я слишком красив для Чацкого... Идиот... Знаешь, Сашка, я думаю уйти из театра...

– То есть как?

– А вот так! Доиграю сезон и уйду! Теперь мы не пропадем! А он пусть знает...

– Глеб, ты сейчас слишком взволнован, не надо ничего делать сгоряча. Вот съездишь в Италию, а потом..

– Потом – Освальд!

– Ты погоди, от разговора в ночном клубе до конкретных дел знаешь как еще далеко?

– Ты в меня не веришь?

– Если кто в тебя верит, то это я. И всегда верила. А иначе давно бы тебя бросила.

– Сашка, ты правда меня любишь?

– Глебка, ты болван!

– Иди ко мне скорее!

...Утром Глеб повез меня в агентство, где я не без труда поменяла билет на воскресенье. А потом мы вместе поехали к бабушке. Ей было немного легче, и она сама открыла нам

дверь.

– О, Саша, ты с мужем! – обрадовалась она, и тут же в коридор выскочила Инна Кирилловна. При виде Глеба она вспыхнула:

– Добро пожаловать! Заходите, заходите! Давайте знакомиться, я подруга Сашиной бабушки...

Что-что, а очаровывать старушек Глеб умеет великолепно. Он поцеловал обеим дамам ручки, был весьма мил и любезен, но от кофе отказался.

– Простите великодушно, но я спешу. А завтра непременно отвезу вас в Шереметьево. Во всяком случае, сделаю все от меня зависящее.

– Одну минутку, Глеб Евгеньевич, – обворожительно улыбнулась Инна Кирилловна. – Я вчера была на вашем спектакле и в таком восхищении, что просто слов не могу подобрать...

Глеб хотел что-то ответить, но старая дама великолепным жестом остановила его:

– Но слова тут и не нужны! Я сейчас сделаю вам один презент...

– Ну что вы, не стоит, – засмутился Глеб.

– Нет, стоит, я вчера, возвращаясь после спектакля, решила, что непременно передам эту вещь Саше для вас, я даже не рассчитывала, что мне удастся сделать это самой. Вот, возьмите!

Она протянула Глебу небольшой мешочек из зеленого

бархата:

– Берите, берите, и пусть эта вещь станет вашим талисманом.

Глеб осторожно развязал мешочек и вытащил продолговатую бархатную коробочку. Открыл ее и воскликнул:

– Какая прелесть! Это булавка для галстука, да?

– Да! И эта булавка принадлежала не кому-нибудь, а самому Мамонту Дальскому!

Глеб стоял в полной растерянности.

– Вы мне не верите? Но это правда! Он сам подарил ее моему отцу, на его шестнадцатилетие! Видите, какой там чудесный узор на золоте? И маленький сапфирчик!

– Но я не могу принять такой подарок!

– Молодой человек! Вы вчера подарили мне такую радость, такое наслаждение, что я просто не могу не отдать вам эту вещь! Пусть даже вы не станете ее носить, но она должна принадлежать вам! Я так хочу! В конце концов, я гожусь вам в бабушки! Вы обязаны это принять...

– Берите, Глеб, – улыбнулась бабушка, – от Инны все равно не отвяжетесь, если уж она что-то решила...

– Спасибо вам огромное, но не думайте, что я это куда-нибудь заткну и забуду! Нет, я непременно буду это носить! Дело в том, что галстук я ношу только в особых случаях, так теперь в особых случаях я буду носить и эту булавку. Мамонт Дальский! С ума сойти!

Я видела, что Глеб страшно доволен.

Он еще раз поцеловал дамам ручки и убежал.

– Ну, Инка, признавайся, ты по уши влюбилась в мужа моей внучки! – со смехом сказала бабушка.

– Не стану отрицать. Но в моем возрасте это не опасно, правда, Саша?

– Конечно, я вам тоже очень признательна, Глеб был в восторге, можете мне поверить.

– Вот и славно! А сейчас я пойду доделывать пирог. Скоро будем пить кофе!

Она удалилась.

– Бабушка, как ты себя чувствуешь?

– Сейчас довольно сносно, но на улицу выходить боюсь. Будем надеяться, до отлета все обойдется. Ты хорошо выглядишь, Сашенька, только немножко устала, да?

– Мы вчера очень поздно вернулись, потом еще немножко ругались...

– А потом мирились? – лукаво взглянула на меня бабушка. – Ох, Саша, он еще красивее, чем я могла предположить... А глаза... И обаяние... Бедная моя девочка, тебе трудно придется... Думаю, скоро ему не дадут проходу. Инка говорила, что в зале женщины визжали от восторга и, как она выразилась, была «исключительно эротическая атмосфера», какая в опере бывает...

– Не знаю, я прибежала только к концу спектакля и так волновалась, когда узнала про замену... Но какой-то визг и вправду был.

– Мне показалось, он тебя любит.

– Мне тоже так кажется.

В аэропорт Глеб поехать не смог, у него были съемки. И мы просто заказали такси. Инну Кирилловну бабушка в Шереметьево не взяла, хотя та очень настаивала.

– Нет, Инка, сиди дома! Нечего зря таскаться, да и мне надо побыть с Сашей.

– Ладно уж, уговорила. И давай, как приедешь, вышли мне приглашение! Хочу на старости лет искупаться в Мертвом море! Вдруг скину десяток годков, в русских сказках самая полезная вода – мертвая...

– Инка, старая калоша, ты все перепутала! – засмеялась бабушка. – Но приглашение вышлю! Тебе и Саше с Глебом!

– А может, мы сразу все вместе к тебе нагрянем?

– Ну конечно, ты же влюблена в Глеба, я тебя знаю! Но не получится, мне вас негде всех разместить! – Бабушка незаметно мне подмигнула. – К тому же у тебя нет заграничного паспорта, так что быстро ты не обернешься, а у нас уже скоро начнется жара... Короче, рассчитывай на осень. Самое лучшее время конец октября – начало ноября... Ну все, присядем на дорожку!

Мы присели.

– Господи благослови! – вздохнула Инна Кирилловна, и старушки обнялись на прощание.

Уже в такси бабушка сказала:

– Не бросай Инку, ладно? Ничего особенного не нужно, у нее есть сын и внуки, но просто позванивай ей и время от времени доставай билеты в театр, только и всего.

– Обязательно, бабушка!

– Она прекрасный человек, хоть и чрезмерно восторженный. Мы с ней дружим с детства. Когда Веню выслали, она так мне помогла... И единственная из всех знакомых провожала меня, когда я к нему улетала. Остальные все побоялись.

Большую часть пути до Шереметьева мы ехали молча, только бабушка все время держала меня за руку. А в аэропорту все произошло очень быстро.

Когда мы подошли к месту регистрации, служба безопасности авиакомпании Эль-Аль как раз расставляла свои столики для собеседования с пассажирами.

– Сашенька, детка, пора прощаться! Жаль, что все так быстро кончилось, но ты же приедешь ко мне, правда?

– Обязательно приеду, не знаю, как Глеб, но я приеду, даже не сомневайся. Я знаю тебя всего несколько дней, но чувствую, что, наверное, ты мне самый близкий человек... и спасибо тебе, спасибо за все!

– Не за что меня благодарить, я давно должна была тебя найти. Мне так больно с тобой расставаться...

Нас обеих душили слезы, мы обнялись и никак не могли оторваться друг от друга, но вдруг кто-то рядом воскликнул:

– Мария Львовна, вы?

Женщина средних лет с очень милым лицом кинулась к

бабушке.

– Людочка, какими судьбами?

– Вы домой, Мария Львовна?

– Конечно, Людочка, вот познакомьтесь, это моя внучка!

Саша, а это моя приятельница из Арада! Я и не знала, что вы в Москве. Значит, летим вместе?

– Да.

– Как удачно! Вот, Саша, можешь теперь за меня не волноваться, Людочка – доктор, она за мной присмотрит.

– Хорошо! – обрадовалась я.

– Мария Львовна, нам пора, а то скоро очередь выстроится...

– Да-да, конечно. Ну, Сашенька, будь счастлива, детка. И помни – если что, у тебя есть бабушка. Звони, не забывай.

– Бабушка, а ты обещаешь мне позвонить, как долетишь.

– Обязательно, как только приземлимся, бабушка вам позвонит. У меня с собой телефон! – сообщила Людочка.

И они ушли.

Я еще постояла, куда бабушка вела довольно долгую беседу с девушкой из службы безопасности.

Потом она подождала Людочку, которая освободилась чуть позже, та подхватила бабушкину сумку на колесах и...

И все. Бабушка только помахала мне рукой и исчезла. Она была такая маленькая, такая хрупкая... У меня перехватило горло. Как странно, всего несколько дней, а разлука с ней причиняет такую боль... Я почувствовала, что сейчас разре-

вуть. Полезла в карман за платком и наткнулась на что-то явно постороннее. Я вытащила из кармана незнакомый шелковый платочек, связанный в узелок. Быстро развязав узелок, я ахнула. В нем лежали два бабушкиных кольца.

Тут уж я не удержалась и заревела.

– Что с вами, женщина? – спросил какой-то мужчина в кожаном пальто. – Вам плохо?

– Нет-нет, все в порядке... – шмыгнула я носом.

В этот момент в кармане у него зазвучала мелодия «Маленькой ночной серенады» Моцарта. Он вытащил мобильник:

– Алло! Да, зайка, это я. «Где, где»! В Шереметьеве, где же еще? Ладно, будет сделано, ну все, кончай треп, зайка. Целую. – Он отключил телефон. – Вот, блин, техника, нигде не скроешься! Так вы, женщина, в порядке?

– Да-да! Спасибо! – восторженно воскликнула я.

Он взглянул на меня с недоумением. Решил, что я просто психованная. А меня осенила гениальная идея. Я сейчас поеду и куплю Глебу в подарок мобильный телефон.

– Простите, а можно у вас спросить...

– Да спрашивайте, женщина, что за проблема?

– Понимаете, я хочу подарить мужу мобильный телефон, но не знаю, какой лучше. А спросить не у кого.

– Тоже хотите мужика на поводке держать? – захохотал он. – Ну и правильно вообще-то. Только вам надо взять его паспорт. А что касается телефона, то тут многое от денег за-

висит и от компании, которую выберете. Вы только выясните там, какие тарифы выгоднее, так, набалмошь, не покупайте, женщина.

– Спасибо большое.

– Только не думайте, что такой штучкой мужика удержите. Его совсем другой штучкой удерживать надо!

И он как-то похабно хохотнул.

Мне стало противно. Значит, сейчас я все равно не могу купить мобильник, у меня нет Глебкиного паспорта. Ничего, куплю потом. А сейчас я позвоню Уляше. Я так замоталась в последние дни, что не звонила ей.

Она обрадовалась. И сказала;

– Приезжай! Мне надо тебе кое-что рассказать!

– И мне тоже! Еду!

У метро «Аэропорт» я купила большой букет дивных розовых тюльпанов, торт и бутылку шампанского. Еще в автобусе меня вдруг начала буквально распирать неизвестно откуда взявшаяся радость жизни, а кроме Уляши, мне не с кем ею поделиться.

– Опаньки! Ты что это как советский жених ко мне являешься? – засмеялась Уляша при виде меня.

– Почему – как жених?

– А в советское время женихи так являлись или потенциальные любовники. Дама оценит и, скорее всего, даст... Раздевайся, что ты ржешь, как резвая кобылица? Давай сюда цветы! Ах, хороши! Ты можешь мне объяснить, почему при

советской власти тюльпаны были только красные, а?

– Нет, Уля, про советскую власть я тебе ничего объяснить не могу, а лучше суну шампанское ненадолго в морозилку, а то оно теплое.

– Так по какому случаю шампанское? Что празднуем?

– Ничего конкретного, просто... Ой, Уля, ты что-нибудь понимаешь в кредитных карточках?

– Ни фига! А тебе зачем?

– Мне бабушка оставила кредитку, а я даже не знаю, сколько там денег, и понятия не имею, как подступиться к этим банкоматам...

– Я краем уха слышала, что там должен быть какой-то код...

– Да, бабушка мне его оставила. Вот тут все записано.

– Тогда надо зайти в банк, тебе там объяснят. Слушай, у нас в соседнем доме есть банк, а там банкомат... Хочешь, прямо сейчас сходи.

– Уля, пойдем со мной, мне как-то неловко...

– Опаньки, сколько тебе лет?

– Много! – вздохнула я.

– Молчала бы уж. Так и быть, пошли, очень интересно, насколько ты разбогатела. Особенно губенки-то не раскатывай!

– Нет, мне бабушка еще...

– Сашка, что с твоими руками? Какой маникюр! А что за кольцо? Слушай, это же красота... Дай посмотреть! Картье,

что ли? Тоже от бабки?

– Откуда ты знаешь, что Картье? – опешила я.

– Ну я все-таки дизайнер и когда-то занималась ювелиркой. Блеск. Очень изысканно, хотя ценность, наверное, не бог весть какая, но идея классная... Даже завидно. У твоей бабки прекрасный вкус. Ну что ты копаешься, идем. Может, там не такие уж пустяки.

В банке нам вежливо объяснили, как обходиться с банкоматом.

– Будешь брать деньги? – спросила Уля.

– Да нет, у меня пока есть, мне бы узнать сколько...

Банкомат выдал нам распечатку. Я глянула.

– Ну что? – в нетерпении спросила Уля. – Опаньки! Одиннадцать тысяч баксов. Нехило! Поздравляю, Сашка!

– Одиннадцать тысяч? – Я не верила своим глазам. – Это же куча денег.

– Неплохо, конечно, но если отдать себе отчет в том, сколько тебе всего надо...

– У меня есть еще две тысячи наличными!

– Совсем хорошо. Все, пошли, а то там шампанское уже охладилось. Выпьем по бокальчику и все обсудим. У меня есть кое-какие идеи, куда тебе пристроить эти бабки. Только не говори, что хочешь все потратить на своего Глеба, я этого не допущу!

Я ее почти не слышала. У меня есть тринадцать тысяч долларов! Да это же целое состояние!

– Я хочу белую кошку! – вырвалось у меня.

– Что? – удивилась Уля. – Какую кошку? Зачем?

– Белую! Они к счастью...

– Глупости, к счастью трехцветные кошки! И еще, говорят, черные, а про белых ничего не знаю.

– Зато я знаю!

– Ну кошку ты вполне можешь себе позволить!

Хотя ничего глупее в такой ситуации ты сказать не могла, моя дорогая. Впрочем, от денег люди часто дуреют... А я считаю, что первым делом ты должна сделать ремонт и выкинуть, к чертям собачьим, твою жуткую мебель.

– Уля, ты полагаешь, что этих денег хватит на ремонт и новую мебель? Ведь сейчас все так дорого.

– Еще и останется. Недаром же у тебя есть старшая подруга, которая во всем этом хорошо разбирается. Конечно, евроремонт мы не потянем, нечего и думать, но нормальный косметический и шведскую мебель из «Икеа» – спокойно!

– Уля, ты шутишь?

– В данном случае – нет, хотя вообще люблю пошутить. Завтра я к тебе заеду, мы все прикинем. Твой красавец не собирается никуда уезжать? Ненавижу, когда мужики суются в ремонт.

– Собирается! В Италию!

– Отлично.

– И что, за две недели мы сможем все сделать?

– Если очень постараемся.

– Уля!

– Все, Сашка, хватит восторгов! Я хочу шампанского с тортом! Похоже, твоя удача и на меня немножко распространилась. Мне надо тебе тоже кое-что рассказать...

И она как-то таинственно улыбнулась.

– Уля! Что с тобой? Я тебя давно такой не видела! Уж не влюбилась ли? – в шутку предположила я.

– Ну не то чтобы...

– Уля!

Почти десять лет назад она овдовела и с тех пор всегда говорила, что ее женская жизнь кончилась. За ней ухаживали, но она ни на кого не обращала внимания. А теперь ей уже пятьдесят шесть лет.

– Что – Уля? Думаешь, раз у меня пенсионный возраст, на меня и клюнуть нельзя?

– Уля, умоляю, кто он?

– Сашка, обещай, что не будешь смеяться?

– Торжественно клянусь!

– Ну вот, ты уже смеешься.

– Ничего подобного. Умоляю, расскажи!

– Сейчас, только шампанского хлопну!

И она залпом выпила бокал.

– Уф! Хорошо! Ладно, слушай. Мне тут на днях позвонили из одной крупной дизайнерской фирмы. Сам директор. Сказал, что видел мои работы, очень хочет со мной встретиться и не могу ли я к нему прийти. Знаешь, у него в голосе

было что-то такое... словом, я вдруг вспомнила, что на свете бывают мужики. Что-то такое сексуальное, волнующее, хотя в общем-то голос ничего особенного, даже довольно хриплый.

Она налила себе еще шампанского, отпила глоток.

– Как ни странно, я почему-то больше взволновалась от его голоса, чем от перспективы работать на его фирму. Хотя это и престижно, и довольно денежно. Вот такая дура. Но потом я сказала себе, что уже старая, а он, скорее всего, молодой и мне ровным. счетом ничего там не светит... И вдруг...

– Что? – вырвалось у меня.

– Прихожу. Секретарша, моего возраста наверное, очень вежливо просит подождать минутку, звонит ему и сообщает, что я пришла. И вдруг дверь распахивается, он выскакивает мне навстречу, и я вижу, что он старый, сильно за шестьдесят, некрасивый, но с удивительно живыми глазами. «Вот она какая!» – восклицает он, целует мне руку и ведет к себе в кабинет. Мы с ним разговариваем о делах, а я чувствую, что жутко ему нравлюсь. Он меня так и ласкает взглядом... Фу, какая пошлая фраза! – Она отпила еще шампанского. – На прощание он опять поцеловал мне руку, а я вышла как на крыльях... Можешь себе представить?

– И это все?

– Ну пока все. А что, не о чем и говорить, да?

– Ничего подобного! Это прекрасно!

– Что – прекрасно?

– Что ты проснулась! Что у тебя появился какой-то стимул... Вы о чем-то договорились?

– Да, я буду на него работать. И еще он хочет купить у меня одну старую разработку... Но дело не в этом... Понимаешь, мне было так легко и просто с ним, как будто мы знакомы уже давным-давно. И он успел мне столько всего рассказать, с ним так интересно...

– Он холостой?

– Сашка, ты что, с ума сошла? Какое это имеет значение? Я же не замуж за него собираюсь. Ты пойми, чудачка, мне не нужен муж, мне даже любовник не нужен. Просто я забыла, что я женщина, а тут вспомнила. Вот и все. Мне не с кем было поделиться, кроме тебя.

– Улечка, милая, я так за тебя рада! А вдруг это судьба?

– Да какая там судьба... – не слишком уверенно возразила Уля.

– Когда ты теперь с ним увидишься?

– Через неделю. Он вчера уехал в Голландию. А когда вернется, я пойду к нему и мы заключим договор. Представляешь, придется признаться, что на самом деле я не Ульяна, а Ундина. Надо ж было так назвать единственное чадо!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.